

18+

Виктория Смоляницкая

ЦЕНА СЧАСТЬЯ

РОМАН



Виктория Смоляницкая

Цена счастья

«Издательские решения»

Смоляницкая В.

Цена счастья / В. Смоляницкая — «Издательские решения»,

Анна бежит от прошлого, а Кемаль пытается оправиться после десяти лет изматывающего брака с Мелек. Их встреча в Стамбуле дарит обоим надежду, но вокруг уже сжимается кольцо. Пока ослеплённый страстью Фарук тщетно ищет взаимности от своей наставницы, из мрака прошлого за Анной уже следует опасный Юсуф. Но главная угроза исходит от властной Фериде. В этой паутине одержимости и интриг каждый сделает свой ход. Кому же придётся заплатить самую страшную цену за хрупкое счастье?

© Смоляницкая В.

© Издательские решения

Цена счастья

Виктория Смоляницкая

© Виктория Смоляницкая, 2026

ISBN 978-5-0071-1300-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Узник собственной памяти

Шёл август. Город изнывал от жары, и асфальт медленно плавился под ногами, отдавая зноем даже ночью. Воздух был настолько густым, что его, казалось, можно было резать ножом. Страна переживала очередной скачок доллара, который мог порадовать только тех, кто его где-то печатал вне границ реальности. На фоне всеобщей финансовой хандры, пока витрины гасли одна за другой, а вывески «сдаётся» множились быстрее слухов, стамбульская элита продолжала жить так, словно город принадлежал только ей. Шумные вечеринки перекачивались с одной яхты на другую, скользя по водам Босфора, равнодушного к курсам валют и человеческим тревогам.

У брата его жены, с которым Кемаль был знаком ещё со школы, была привычка — каждый месяц устраивать вечеринки на отцовской лодке. Лодка, конечно, была — мягко сказано — это была огромная белоснежная яхта, способная вместить половину стамбульского бомонда. Особого повода для торжества не существовало, но, как и полагается светскому наследнику крупнейшей судостроительной компании, не устраивать их было бы даже странно. Февзи с детства не везло. Ему досталось внушительное наследство от прадеда, но, по иронии судьбы, кроме денег похвастаться ему было особенно нечем.

Когда судьба преподносит тебе всё на серебряном блюде, ты рискуешь никогда не узнать вкуса того, что добыто собственными руками. Золотая клетка остаётся клеткой, даже если ключи от неё лежат у тебя в кармане.

— Кемаль! Ты где пропадаешь? — окликнул его Февзи. — Вечеринка только начинается. Скоро отчалим, ждём ещё пару гостей.

— Отлично, брат! Надеюсь, в этот раз у нас обойдётся без приключений, — ехидно заметил он, вспомнив ту шумную ночь, после которой одна молодая дама так и осталась за бортом.

Кемаль задержался ещё на мгновение у носа яхты и, развернувшись, вернулся к гостям. В это время Мелек, размахивая бокалом с шампанским, что-то увлечённо рассказывала своей ближайшей подруге Айше.

— Кемаль! Я тебя потеряла! — взволнованно воскликнула она, заметив мужа.

Кемаль попытался улыбнуться, но её тотальный контроль давно разъедал его изнутри, словно яд, отравляющий саму возможность воскресить то, что когда-то между ними было живым. Возможно, Кемаль порой перегибал палку, но у всего были свои причины. Он всё ещё был предан Мелек, несмотря на постоянные упрёки, нескончаемые недовольства и обвинения в том, что именно он сотворил тот лёд, которым теперь заморожены их чувства. Он пытался быть с ней честным, но его преданность давно держалась не на любви, а на долге и обещании, данном матери: сохранить семью во что бы то ни стало.

Ему было больно осознавать, что перед ним стоит женщина, к рукам которой в юности он мечтал прикоснуться. Её улыбку он мог разглядывать часами, но теперь её прикосновения и взгляд всё чаще вызвали в нём не тепло, а внутренний спазм. Это было желание просто отстраниться и убежать от неё и от самого себя.

— Я пойду к Февзи, — прервал Кемаль возникшую паузу, ловко выскользнув из цепких рук Мелек, и направился к шумной мужской компании.

— У вас всё хорошо? — поймав рассеянный взгляд подруги, поинтересовалась Айше. — Ты выглядишь не слишком счастливой...

— Я даже не знаю, что сказать, — ответила Мелек, поправляя прядь волос, упавшую на лицо. — Давно тешу себя надеждой, что всё наладится, но что-то подсказывает мне, что этому не суждено случиться.

— Не печалься, дорогая! — голос Айше прозвучал как совет мудрой матери. — Всё образумится. Кемаль тебя любит, просто нужно время. У нас с Февзи тоже не всё гладко, но умная женщина никогда не даст мужу опустить руки и унести ноги из дома. Помни об этом! Вам просто надо завести детей, и всё встанет на свои места.

— Да, — Мелек кивнула, слегка опустив чёрные, как ночь, глаза. — Я всё ещё надеюсь... Но хочет ли Кемаль детей — я уже не уверена.

— Дамы! Присоединяйтесь к нам! — раздался голос Мехмета, прерывая откровенную беседу подруг.

— Почему мы приплыли на остров? — спросил Кемаль, не сдержав любопытства.

— Мы должны забрать здесь нашего специального гостя. Он живёт сейчас в доме на острове, неподалёку от пристанища Льва Троцкого — русского революционера, который в начале 1930-х жил здесь, — опустошая очередной бокал, ответил Февзи.

— Юсуф-бей! Прошу вас на корабль! Я рад, что вы нашли время разделить с нами наше скромное путешествие по Босфору! — воскликнул он.

Развернувшись, Кемаль увидел элегантного мужчину, уверенно поднимающегося по мостику на корабль. Его костюм сидел идеально, подчёркивая спортивную, хоть и немолодую фигуру. Чёрные волосы с лёгкой сединой блестели в последних лучах заката, а тёплый свет подчёркивал тонкие линии лица, выработанные опытом и временем. Как ни странно, но он был восхищён этим незнакомцем с тёмно-зелёными глазами — взглядом, который сочетал в себе спокойствие и лёгкий вызов.

— Добро пожаловать, господин Юсуф! — заискивающе произнёс Февзи. — Знакомьтесь: это Кемаль, мой друг детства, а это — Мелек, его жена.

Февзи по очереди представлял этому гостю всех участников большой компании.

«Видимо, это был человек очень важный — ради которого мой дорогой друг проделал такой длинный путь», — подумал Кемаль.

Корабль тронулся, медленно удаляясь от причала, оставляя остров маленькой точкой на горизонте. Пока они плыли, Кемаль успел завести новые полезные знакомства: с владельцем известного магазина одежды в Нишанташи, с хозяином прядильной ковровой фабрики и с парой поставщиков европейских тканей. Шумная беседа, звон бокалов и тихий плеск волн создавали уютную атмосферу, где деловые интересы переплетались с лёгкой игрой флирта и взаимных любезностей. Как ни странно, но эти новые связи вселяли в него надежду, что он сможет вдохнуть что-то свежее в семейный бизнес.

Судно встало у причала недалеко от крепости Румелихисар. Каждый раз, проплывая мимо этого величественного османского сооружения, которое когда-то служило тюрьмой, Кемаль представлял узников, молящихся в её толстых каменных стенах. Он был одним из них. Узником собственной судьбы на свободе. Если бы он только знал, что готовит ему судьба, эта крепость могла бы показаться ему раем на земле для праведников, отчаявшихся найти хоть какой-то путь.

Мелкие капли внезапного дождя едва слышно постукивали по палубе корабля. Стоянка подходила к концу. Матросы уже начали отвязывать канаты, и гул двигателя стал чуть громче, вибрируя под подошвами туфель. Несколько новых гостей торопливо поднимались на борт. В их движениях читалась суета людей, застигнутых врасплох переменой декораций. Женщины

прикрывали руками лица, стараясь спасти макияж от внезапно окутавшего Стамбул дождя. Мужчины, терпеливо ожидая, пропускали дам по трапу впереди себя.

Лодка тронулась, проходя под мостом, соединяющим европейскую и азиатскую части города. Величественное сооружение, которое всегда вызывало восторг — массивные арки и стальные тросы, уходящие в туман закатного света, казались одновременно монументальными и почти нереальными.

В воздухе витало странное настроение, которое замечал только Кемаль — лёгкая тяжесть влажного воздуха смешивалась с запахом вина и шампанского, создавая странное ощущение приподнятой тревоги. Даже Мелек, которая в последнее время заставляла себя улыбаться, громко смеялась и изящно двигалась телом, следуя ритму восточной музыки. Её движения были грациозны, почти театральны, и казалось, что свет, отражённый от мокрой палубы, подчёркивает каждый изгиб её силуэта.

Вечеринка была в самом разгаре. Дамы наравне с мужчинами вели светские разговоры, обсуждая последние новости из жизни богатых и состоятельных семей. Кемаль никогда не понимал, почему им интересно перемывать чужое бельё, даже если оно золотое. Как может быть интересно то, что никак не влияет на твою собственную жизнь?

Раньше ему казалось, что это особая привилегия женщин — разнюхивать нюансы и обсуждать за чашечкой кофе или бокалом вина где-нибудь в Нишанташи чужую жизнь. Но со временем он сделал для себя неутешительное открытие: многие мужчины в его окружении тоже не упускали возможности вскользь поведать, у кого из друзей кровать громче скрипит или чей кошелек плотнее набит. Ему казалось, что мужчина, разменивающий своё достоинство на сплетни, напоминает льва, который вместо охоты собирает крошки со стола гиен.

Именно поэтому его друзья смело доверяли ему свои тайны. С одной стороны, Кемалю это льстило — знать сокровенные тайны высшего общества и самых близких друзей. Но с другой — он таскал в себе этот чужой груз, совершенно бесполезный в его собственной жизни. Порой ему казалось, что он — сейфовая ячейка, куда складывают самое ценное, а открывают лишь в отчаянный момент. Когда ты владеешь ключами от чужих жизней, то сам становишься заложником их прошлого.

Кемаль отошёл к борту, подальше от звона бокалов. Воздух здесь был чище, без примеси яда светских сплетен. Он смотрел на тёмную воду и думал о том, что настоящая свобода — это когда тебе нечего скрывать и, что ещё важнее, когда тебе нечего хранить в чужих «сейфах».

Ноты классической музыки, доносящиеся из салона, прервали его мысли. Это был рояль, доставленный на корабль. Танцовщицы остановились, и зал наполнился прекрасной мелодией, разлившейся, как прохладный шербет, заполняя каждую щель и угол этого корабля. Вокруг инструмента собралась компания, окружившая женщину, чья игра стала причиной этой музыкальной паузы. Её изящные пальцы бегло и ловко брали большие октавы, слегка раскачивая тело назад и вперёд.

Незнакомка была одета в элегантное платье цвета спелой вишни с разрезом спереди, подчёркивающим белизну кожи и светлую копну выющихся волос. Каждый аккорд казался лёгким прикосновением к душе, а свет от подсвечников мягко обрамлял её фигуру. Раздались аплодисменты. Это было божественное исполнение известного ноктюрна Фредерика Шопена.

Светловолосую женщину попросили ещё сыграть, и она согласилась. В этот момент Кемаль почувствовал руку Мелек на своём плече. Она мягко прильнула к нему своим телом, вызывая в нём волну возбуждения, которую он так давно не испытывал. Эмоции захлестнули его, растекаясь горячей лавиной по всему телу, пробуждая каждую нервную клетку. Мелек, почувствовав это, ловко обхватила мужа за талию и нежно коснулась губами шеи.

Они вышли на палубу корабля. Чёрное звёздное небо после дождя повисло над ними, как огромный астрономический купол. Мелек крепко прижалась к Кемалю, обвив его торс, а её губы жадно целовали его покрасневшее от вина лицо. Он обнял её и поддался натиску,

сливаясь с ней в поцелуе. Крепко держа её кисти рук, он чувствовал тепло и лёгкую дрожь её тела. Мелек тихо постанывала, закусив нижнюю губу, и её дыхание смешивалось с ароматом влажного воздуха, соли и прохлады после дождя. Это было новое и в то же время давно потерянное чувство, которое уносило Кемаль почти на десять лет назад, в Бешикташ, где они впервые поцеловались в парке Мачка.

— Кемаль! Я соскучилась по тебе! Давай вернёмся поскорее домой! — вдруг, резко отпрянув, смущённо сказала Мелек.

— Мы обязательно вернёмся, как закончится вечеринка, — уверил её он, ощущая нарастающее напряжение, предвещавшее горячий сценарий дома.

Кемаль смотрел в её чёрные, как ночь, глаза, которые безмолвно о чём-то умоляли его. Он хотел простить Мелек за когда-то опрометчиво брошенный вызов и унижение, но в нём всё ещё боролись два чувства: обида и непримиримость. Но жар, вновь охвативший его, смывал обиды в воды Босфора, и он пообещал себе дать им ещё один шанс на спасение.

Они вернулись в салон, где продолжались танцы и веселье. Официанты разносили на подносах традиционное мезе, раки и жареное мясо. Изрядно проголодавшись, они присоединились к компании Февзи, почтенного господина и светловолосой женщины в красно-вишнёвом платье.

— Кемаль, Мелек, друзья! Я хочу вам представить нашу гостью, восходящую звезду — Анну Всеволожскую! — воскликнул Февзи.

В салоне раздались аплодисменты в знак почтения к изящной пианистке. Мелек, нелепо улыбаясь, нервно поправила прядь своих волос и бросила на Анну строгий взгляд — как и полагается турецкой женщине, столкнувшейся лицом к лицу с красивой славянкой. Ей, как и многим другим жёнам, часто приходилось слышать истории о том, как эти женщины покоряли сердца и кошельки почтенных турецких мужчин.

Овладев ревнивыми эмоциями, она взяла себя в руки и, улыбнувшись, поприветствовала Анну. Почтенный Юсуф-бей, почувствовав новую кровь, уже вовсю крутился и любезничал с молодой пианисткой. Казалось, весь мир на этом корабле под действием шампанского и раки внезапно повернулся к Анне. Даже смуглые, застенчивые официанты украдкой наблюдали за белокурой красавицей.

Кемаль поприветствовал пианистку и хотел выразить восхищение, как громкий гудок проплывающей мимо баржи перебил его голос. Мелек потянула мужа за руку, и он, повинувшись, словно раб, последовал за ней на нос корабля, откуда можно было наблюдать фейерверк.

Хлопушки были готовы, и они, заняв лучшие места впереди, затаив дыхание, ждали, когда чёрное небо озарят разноцветные искры. Под возгласы «Да здравствует Мустафа Кемаль Ататюрк!» раздались громкие залпы, и небо над кораблём вспыхнуло ярким облаком, переливающимся всеми цветами радуги.

Корабль подплывал к причалу в Бешикташе, и уставшая компания устроилась на диванах в салоне. Не спеша покидая корабль, гости прощались друг с другом, обмениваясь телефонами и обещаниями созвониться, которые сбывались лишь тогда, когда это было выгодно. Среди оставшихся Кемаль пытался разглядеть почтенного господина и Анну, но их уже не было на борту. Он крепко обнял Февзи, Мехмета и Айше, едва стоявшую на ногах, и они с женой покинули корабль.

Дорога до дома занимала не больше пятнадцати минут. Мелек, уставшая от танцев, пыталась казаться бодрой, но Кемаль ощущал аромат её духов на своём плече, смешанный с едва уловимым запахом шампанского, обволакивающим салон автомобиля.

В коридоре Мелек сбросила шёлковую пашмину и ловко освободилась от платья, которое беззвучно упало на пол. Кемаль приблизился к ней, не говоря ни слова. Мелек жадно целовала его, одновременно пытаясь расстегнуть пуговицы рубашки. Кемаль поднял её на руки и отнёс в спальню. Усевшись сверху, она ловко освободила его от одежды, и они предались забытой,

огненной страсти под тихий ритм тикающих в коридоре старинных часов — словно время вокруг остановилось, оставив их наедине с желаниями и забытыми воспоминаниями.

Глава 2. Салеп со вкусом надежды

Лучи солнца играли на подоконнике, отражаясь в серебристой рамке с портретом Мелек, сделанным известным стамбульским фотографом. Несмотря на то что часть дома выходила прямо на пролив Босфор, другая половина смотрела на шумную улицу, где главным правилом был постоянный гул городских звуков.

Едва открыв глаза, Кемаль почувствовал аромат свежесваренного кофе, доносящийся из кухни. Он лежал, тайно наслаждаясь этим утренним бальзамом для гудящей после вчерашней вечеринки головы. Мысли путались, словно старые кадры на киноплёнке, прокручивая образы прошедшего вечера. Он вспоминал загадочного знатного господина, внезапно исчезнувшего вместе с пианисткой, но никак не мог вспомнить её лицо, хотя она наверняка покорила сердца многих мужчин своим исполнением на фортепиано. Где-то в глубине души он чувствовал лёгкую зависть к этому незнакомцу, который так непринуждённо провёл весь вечер в её компании. В ней было что-то совершенно недоступное ему. Наверное, поэтому её лицо упорно ускользало из памяти. Только русые волосы с золотистым оттенком крутились в голове, напоминая о странном вечере и внезапном внимании всех присутствующих на корабле, включая Кемаль.

Из кухни доносился звонкий голос Мелек, которая что-то оживлённо обсуждала по телефону. Кемаль тайком пробрался в ванную, по пути чуть не споткнувшись о разбросанную в прихожей одежду. На стене красовалось винтажное зеркало, купленное когда-то на развале в Чукурджуме. Он остановился перед ним, задержав взгляд на отражении. По ту сторону стекла на него смотрел мужчина с серо-зелёными глазами. Его каштановые волосы были коротко подстрижены, а пятидневная небритость придавала лицу слегка дикий, но привлекательный характер. Слегка полные губы красиво выделялись между коротко стриженными усами и небольшой бородой. Он провёл тыльной стороной кисти по щеке, пристально разглядывая своё отражение, словно ища ответы на вопросы, которые ещё не успели появиться.

«Я — Кемаль. Мне тридцать четыре года. Я внук и наследник когда-то очень богатой текстильной империи, построенной моим дедом. Я женат на Мелек — дочери Али-бея, владельца крупнейшей судостроительной компании и ещё десятка крупнейших предприятий в Турции. Моя мать — наполовину турчанка, наполовину персиянка. Хотя, как говорила мама, в наших венах течёт много кровей, включая греческую и даже болгарскую. Мой отец — уважаемый Хасан-бей, возглавивший империю своего отца, но потерпевший финансовый крах, повлёкший почти полное разорение. Я женат уже десять лет, но у меня до сих пор нет детей, и это громкий повод для постоянных сплетен среди коллег и друзей из высшего общества. Когда-то я был счастлив, мечтая об идеальной семье с возлюбленной. Но наш брак разрушило одно слово, брошенное Мелек, которое, словно смертельный яд, уничтожает меня последние десять лет. И даже вчерашняя внезапная страсть, охватившая меня после восьми бокалов шампанского, — это всего лишь попытка напомнить о когда-то счастливом браке».

Он смотрел на себя и отматывал назад чёрно-белую киноленту хроники своей жизни. Ему казалось, что в отражении на него смотрит уставший от жизни старик, прикрывший лицо маской молодого человека, за которой скрывалась одинокая печаль. Такая же печаль, что пронизывает холодным ветром дождливый Стамбул, оставляя мечты, сбившиеся на асфальте в серую пыль.

Кемаль открыл кран с холодной водой и, набрав её в ладони, закрыл ими лицо. Он не хотел больше смотреть на своё отражение. Взяв полотенце, он протёр им зеркало и вошёл в душевую кабину. Холодная вода стекала по уставшему телу, оставляя после себя поток мыслей, уносящих его в прошлое.

Мелек — жена Кемалья — была невероятно красивой женщиной, умевшей виртуозно играть на его нервах. Наверное, именно её талант и послужил началом конца их любви. Если бы у теннисной ракетки была душа, то даже в ней было бы меньше дыр, чем в его потрёпанном сердце. Хотя теперь ему казалось, что только после встречи с Анной он впервые по-настоящему узнал, что такое любовь...

Кемаль познакомился с Мелек в Стамбульском университете. Он тайно наблюдал за тем, как она с сосредоточенностью вырисовывала в тетради каждое задание на лекциях. Он мог часами следить за движениями её кистей, за тем, как она поднимала чашку с кофе и как ловко удерживала в правой руке тяжёлую сумку с учебниками.

Однажды у Мелек во время лекции соскользнула со стола ручка. Кемаль поспешно поднял её, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Когда он возвращал её, их пальцы на мгновение соприкоснулись. Он никак не хотел отпускать этот крошечный предмет, ставший единственной связью между ними. И тогда в его сердце впервые появилось чувство, которое он с трудом мог назвать любовью.

— Кемаль! Что с тобой? Ты хочешь за меня сделать домашнюю работу? — смеясь, спросила она.

— Нет, нет, я просто задумался, какой сегодня день, — краснея, соврал Кемаль.

Тогда он много врал, потому что не мог придумать остроумного ответа. Он был готов провалиться сквозь пол старого университета, построенного в 1453 году, лишь бы не показаться полным идиотом в её глазах. После лекции он быстро собрал учебники и выскочил из кабинета, считая всё на своём пути. Подходя к лестничному пролёту, он услышал её звонкий голос:

— Кемаль! Постой!

Оцепенев от неожиданности, он чуть не упал со ступеней, увидев приближающуюся Мелек. Кемаль попытался принять серьёзный вид, вцепившись одной рукой в перила, другой — в свою тетрадь, которую она медленно протягивала ему.

— Ты, кажется, что-то забыл, — сказала она, хитро прищулив один глаз.

Её французское каре небрежно закрывало половину лица, и ей постоянно приходилось поправлять рукой чёлку. И даже тогда, убирая непослушную прядь, она стояла настолько близко, что он никак не мог оторвать взгляд от её ладони, которая скользила по волосам с лёгкой грацией.

— Я просто тут подумала, что если ты завтра свободен, мы могли бы выпить по чашечке салепы на Пьер Лоти! — улыбнувшись, выдавила из себя Мелек. — Если ты, конечно...

— Конечно, я свободен! — сияя от счастья, как начищенный медный таз кухни, воскликнул Кемаль.

— Завтра в восемь часов в кафе. Пока! — крикнула она, отдаляясь всё дальше.

Кемаль брёл домой по дороге, которая медленно уплывала из-под ног. Ему казалось, что он словно корабль, который мчится под звёздным небом к своей мечте. И только через много лет он понял, что именно эта реальность заставила его пожалеть о любви к её рукам, которыми она ловко, даже не касаясь его, мысленно душила день за днём...

Придя раньше времени, он занял столик у окна, откуда открывался вид на холмы Эюпа, утопающие в вечернем воздухе. Мелек опоздала почти на час из-за очередной забастовки в Бешикташе. Он уже решил, что она передумала, и, отчаявшись, собрался уходить, как вдруг увидел её в дверях.

Заказав две чашки салепы, они болтали о преподавателе философии, о снеге, который обязательно должен был прийти хотя бы на пару дней и украсить город белыми хлопьями, о великом Мустафе Кемале Ататюрке, благодаря которому турецкие женщины смогли почувствовать себя наравне с мужчинами. Расплатившись с официантом, они вышли из кафе и не спеша пошли вниз по дороге.

Проходя мимо старого белоснежного кладбища, единственная мысль, которая не отпускала его, — это непреодолимое желание взять Мелек за ладонь. Они вышли на дорогу, ведущую к мечети Султана Эюпа. Мелек шла бодрым шагом, закутавшись в большой красный шарф, спрятав замерзшие пальцы в карманы пальто.

— Холодно! Давай пойдём быстрее! Иначе мои руки превратятся в деревянные, и я не смогу открыть входную дверь домой, — смеясь, добавила Мелек.

— Дай мне твою руку. Разве такие красивые пальцы могут превратиться в деревянные? — не раздумывая, ответил он, осторожно взяв её за рукав шерстяного пальто, так и не решившись коснуться ладони.

Они прошли ещё несколько шагов вниз по дороге, и он едва заметно дотронулся до кончиков её пальцев. В ту же секунду она ловко поймала его руку в свои сети. Это был самый счастливый момент в тогдашней жизни Кемаль — ради которого он был готов умереть здесь и сейчас, рядом с этим красивым, молчаливым кладбищем.

Спускаясь с холмов, Мелек что-то рассказывала о своём детстве, но он почти ничего не запомнил из её слов. Всё его внимание было поглощено этим новым ощущением счастья и тихой благодарностью Богу за любовь, которую он позволил ему почувствовать в тот вечер.

— Ты играешь в теннис? — спросила Мелек, выдернув его из волшебного сна.

— Честно... никогда не пробовал... Но я быстро научусь! — выпалил он, опережая тень разочарования, мелькнувшую в её глазах.

Уже на следующее утро Кемаль дежурил под дверями магазина в Бешикташе, который посоветовал Февзи. Он понятия не имел, как правильно держать ракетку, но тогда это не имело никакого значения. Он был готов стать лучшим теннисистом на свете, лишь бы снова прикоснуться к изящной ладони Мелек.

Мелек происходила из влиятельной стамбульской элиты, где игра в теннис была не просто увлечением, а негласным паролем своего общества. Семья Кемаль тоже не была бедной, но жила совсем иначе. Родители держались в стороне от светской жизни и предпочитали оставаться незаметными. Мать никогда не работала, а отец тянул на себе остатки бывшей текстильной империи. Но времена менялись. Появлялись новые фабрики, ориентированные на западные тенденции. Отец Кемаль был упрямым и консервативным человеком и отказывался подстраиваться под любые перемены. Любые попытки сына вдохнуть в предприятие что-то новое он воспринимал с недоверием, почти как предательство традиций.

Иногда Кемаль сравнивал их производство с кондитерской, где из поколения в поколение передают один и тот же рецепт, не позволяя ни на шаг отступить от канона. Но одежда — не медовая пахлава: без свежих идей и смелых решений невозможно годами шить одно и то же, оставаясь на плаву. В конце концов отец по собственной инициативе увяз в кредитах и долгах, едва сводя концы с концами. Пытаясь хоть как-то исправить положение, Кемаль нашёл одного умельца, делавшего красивые кожаные аксессуары. Он взял у него несколько сумок и портфелей на пробу, и магазин при фабрике неожиданно оживился. Однажды отец, обычно скупой на эмоции, впервые в жизни похлопал его своей тяжёлой ладонью по плечу и сказал:

— Молодец, сынок. Я знал, что ты вырастешь достойным человеком.

Эти слова значили для Кемаль больше, чем любые деньги. Потому что всё, что он помнил из детства, — это упрёки и наказания в тёмном чулане на заднем дворе дома в Мальтепе. Маме всегда было жалко его, и она тайком приносила ему лепёшки и горячий суп из красной чечевицы, чтобы сын не так тяжело переносил своё заточение в полуразвалившейся постройке, пропахшей сыростью и страхом.

Кемаль договорился встретиться с Мелек в субботу на теннисном корте в Моде, и с этого момента он механически проживал оставшиеся дни, словно кто-то нажал внутри него кнопку ожидания. Он по-прежнему украдкой наблюдал за ней на занятиях, стараясь ничем не выдать

своего интереса. Мелек же, напротив, в перерывах между лекциями бросала в его сторону хитрый взгляд, и этого короткого мгновения хватало, чтобы у него громче билось сердце.

Наступила пятница. Лекции подходили к концу, и коридоры университета ожили, словно воскресный базар. Он уже собирался идти домой, когда вдруг почувствовал на себе знакомый взгляд.

— Кемаль! Ты придёшь завтра играть в теннис? — спросила Мелек.

— Конечно! — воскликнул он, даже не пытаясь скрыть радость, которая мгновенно выдала его с головой.

— Тогда до завтра. И не опаздывай! — сказала она и побежала вниз по лестнице.

Он брёл домой, прижимая к груди учебники и не замечая никого вокруг. Мир словно стал легче, будто кто-то снял с него лишний слой пыли. Ему хотелось рассказать всему свету о своей любви, которая совершенно внезапно ворвалась в его жизнь и захватила все его чувства, не оставив свободного места ни для сомнений, ни для осторожности. Тогда ему казалось, что именно Мелек он отдаст своё сердце. Но, как говорят, если ты видишь в женщине ангела, будь готов однажды увидеть и её дьявола.

Глава 3. Мелодия на столешнице

После вечеринки у Февзи Кемаль и Мелек внезапно решили уехать на виллу в Чешме. Всё случилось ранним утром. Кемаль открыл глаза от странного шороха. Мелек, склонившись над распахнутым чемоданом, методично укладывала туда купальники и платья.

— Джаным... куда ты собралась? — спросил он с недоумением, пытаясь окончательно проснуться и глядя на гору нарядов, выросшую на кровати.

— Не я, а мы! — бодро ответила Мелек, с усилием заталкивая в чемодан третью пару обуви. — Мы едем в Чешме!

Она аккуратно втиснула туфли в узкое пространство между складками ткани, словно ставя финальную точку в этом внезапном решении.

— Здорово... но ты могла бы предупредить заранее! Мне нужно решить вопрос с работой, — начал Кемаль свой монолог, чувствуя, что его не слушают.

Мелек действительно не слушала. Она продолжала ловко складывать вещи, будто торопилась не столько собрать чемодан, сколько убежать от возможных возражений.

— Давай, вставай! Уедем пораньше. Работа подождёт! — бросила она через плечо и исчезла на кухне, где почти сразу зазвенела посуда и зашипела кофеварка.

«Что на неё нашло...» — подумал он, устало глядя в потолок.

Впрочем, для Мелек такое поведение было скорее правилом, чем исключением. Мисс Неожиданность решила выкинуть очередной фокус, но на этот раз вроде бы приятный. Она почти с детским усердием пыталась сделать хоть что-то, чтобы склеить треснувшее. Но Кемаль не слишком верил, что подобные поездки способны вдохнуть жизнь в ту старую телегу, которая давно катилась под откос. Пока жена гремела посудой на кухне, Кемаль поднялся и направился в душ.

Настольные часы в гостиной показывали 5:05. Их стрелки почти беззвучно отсчитывали секунды в такт утренней молитве, доносившейся из мечети. Город ещё дремал, но уже начинал медленно просыпаться, впуская в себя первые звуки нового дня. В ванной комнате Мелек, размахивая феном в разные стороны, пыталась уложить волосы в идеальную причёску.

Не теряя времени, Кемаль спустился вниз и забросил скромный багаж в старенький Mercedes. Скромным багажом он называл свою единственную спортивную сумку, в которую без труда помещалась половина его гардероба, и большой чемодан Мелек. Одному Богу было известно, что именно она умудрилась упаковать туда на одну неделю.

В багажнике лежали коробки с образцами тканей для фабрики и бронзовая винтажная статуэтка, которую он накануне забыл занести в дом. Его любовь к старым вещам досталась

ему от матери. Мелек не любила винтаж, и порой Кемалю приходилось с боем отстаивать право на существование видавшего виды табурета в прихожей, который чаще всего было сложно разглядеть под грудой сваленных на него вещей.

— Я готова! — закончив укладку, сообщила Мелек.

Они выдвинулись в путь ранним утром. Каждые пять минут Мелек нервно перекручивала ручку настройки, перескакивая с одной волны на другую, словно искала что-то конкретное и никак не могла найти. Ещё неделю назад её нетерпимость наверняка вызвала бы в Кемале раздражение, но сейчас он был слишком увлечён собственными мыслями.

«Кто этот господин?» — эта тайна мучила его не меньше, чем неожиданный отпуск, который мог стать либо ещё одной попыткой спасти отношения, либо началом их окончательного конца.

Ответа у Кемалья не было. И рояль... Только спустя двое суток он окончательно понял причину появления этого странного, неуместного для вечеринки инструмента. Значит, рояль был доставлен на корабль специально для пианистки.

«Но кто она?» — эти загадки не отпускали его с той самой ночи.

Дорога уносила их всё дальше от Стамбула. Путь лежал через Манису, и они сделали небольшую остановку. Пройдя несколько лавок и ателье, минуя мечеть Султана Великолепного, они вышли к парку Сурухан. Мелек уже заметно устала, но не подавала виду, продолжая идти бодрым шагом в лодочках на невысоком каблуке, словно не желая уступать дороге ни сантиметра своей уверенности. Кемаль всегда с удивлением наблюдал за женщинами, готовыми на невиданные подвиги ради красоты. Мелек была одной из этих таинственных женщин, способных пожертвовать комфортом ради безупречного впечатления в глазах других.

— Давай дойдём до чайной Ауп-и Али. Ты же туда хотел! — произнесла она, кокетливо опустив глаза.

Кемаль улыбнулся, и они пошли дальше. Дойдя до чайной, они заняли лучший столик с видом на старый город, раскинувшийся на холмах, будто нарисованный акварелью. Несмотря на то что время давно приближалось к обеду, Мелек заказала чай и сладости. Разглядывая холмы Манисы, Кемаль невольно вспоминал их первую встречу на Пьер Лоти. Внезапно он взял её изящную кисть и крепко сжал в своих ладонях. Закончив с баклавой, они вернулись к машине.

До виллы оставалось всего два часа, и Кемаль уже мысленно предвкушал, как погрузится в прохладную воду бассейна, смывая с себя пыль дороги, жар дня и остатки тревожных мыслей. Дорога в Чешме петляла между парками и городскими набережными Измира, всё ближе подводя их к золотистым пляжам и прозрачным волнам одноимённого полуострова в Эгейском море. К вечеру солнце клонилось к горизонту, окрашивая воздух в тёплые медовые оттенки.

Свернув с главной дороги, они подъехали к дому. Пока Кемаль заносил багаж, Мелек направилась прямо к бассейну.

— Кемаль! Иди сюда! — раздался её голос с заднего двора.

Сбросив с себя платье и туфли, она нырнула в воду. В отражении розово-бордового заката её волосы казались ещё темнее, а хлопковое нижнее бельё подчёркивало смуглую кожу. Когда она переворачивалась на спину и плыла, её бёдра мягко покачивались на волнах, а маленькая крепкая грудь будто тянулась навстречу небу.

Кемаль, сбросив с себя одежду, нырнул вслед за ней. Солнце почти скрылось за линией горизонта. Мелек нехотя выбралась из бассейна и, не произнеся ни слова, направилась в дом, оставляя за собой след от капель воды. Спустя несколько минут Кемаль, обмотавшись полотенцем, направился вслед за ней к дому, построенному его дедом.

Архитектура виллы всегда напоминала ему маленькие изящные дома на Миконесе: белоснежные стены, ярко-синие деревянные ставни, которые вечером становились почти фиолетовыми. Внутри всё было таким же светлым. Белые стены отражали последние лучи заката, а

полы из прохладного камня приятно охладили ступни. Здесь не было ничего лишнего, но каждая вещь имела своё место и свою историю. Деревянные балки под потолком хранили запах соли и времени, окна выходили в сад и к морю.

— Кемаль! Ты что, забыл мои шляпы? — с недоумением воскликнула Мелек, увидев его в дверях прихожей.

Он не успел произнести ни слова, как на него обрушилась знатная порция негодования. Мелек, покрасневшая от злости, упрекала мужа в невнимательном отношении к ней. Слова срывались с её губ так быстро, как будто она давно репетировала этот монолог и лишь ждала удобного момента. Её бранная речь была острой, словно меч, который, пролетая мимо, вонзался в невидимую стену, построенную Кемалем много лет назад.

Не промолвив ни слова, он вошёл в ванную комнату и включил душ. Во время их многочисленных и глупых ссор он предпочитал либо молчать, либо просто уходить из дома, растворяясь в улицах и собственных мыслях.

За последние годы он мысленно бросал её сотни раз, но так и не решился сделать это в реальности. Как бы он ни обманывал самого себя, Мелек умела вернуть к себе любого отчаявшегося мужчину. Она с присущей ей женской хитростью легко манипулировала Кемалем. Да, именно манипуляция была её главным оружием, а не любовь. И всё же парадокс заключался в том, что даже находясь в самом отчаянном состоянии, в которое она умела окунуть мужа с головой, ей почти всегда удавалось вытащить его обратно и сделать вид, будто ничего не произошло.

Её мать, госпожа Айлин, была куда более властной фигурой, непокорной яблоней, упрямо дающей свои плоды. Одним из таких плодов стала Мелек, вобравшая в себя всю её силу, хитрость и высокомерный характер. С Февзи у Кемалья отношения сложились ещё с детства, и, несмотря на брак с его сестрой, серьёзных конфликтов между ними почти не возникало.

Он вошёл в спальню и бросил влажное полотенце на кровать, по которой всё ещё скользил тонкий луч уходящего света. Пока он сидел в кромешной тишине, Мелек приготовила ужин и, словно ничего не произошло, позвала его к столу. Накинув халат, он медленно спустился вниз в гостиную.

Они сидели молча напротив друг друга, не проронив ни слова. Мелек держала бокал за тонкую ножку и нервно перекачивала его между длинными пальцами с хитрой улыбкой. Чтобы разорвать эту паузу, Кемаль включил проигрыватель с пластинкой популярных песен Ажды Пеккан. Музыка тут же заполнила пространство, словно боясь нарушить равновесие вечера.

Положив нож и вилку на тарелку, он уже собирался встать из-за стола, но Мелек цепко схватила его за руку. Кемаль хотел было отстраниться, но её пальцы скользнули к его шее, а губы коснулись уставшего лица. Её руки медленно гладили его грудь, спускаясь ниже, словно снимая напряжение и унося обиды прочь. Мелек сбросила с плеч домашнее платье, и он ощутил кожей тепло её тела. Не отстраняя её рук от своей шеи, Кемаль приподнял её, усадив перед собой на деревянную столешницу.

Именно в этот момент ему вдруг показалось, что под ним находится большой рояль — тот самый, с корабля, чьи клавиши хранили в себе чужую музыку и тайны. Кемаль медленно целовал её пальцы, будто перебирая ноты. Её дыхание становилось всё глубже, учащаясь в такт биению сердца. Упругие бёдра, обхватившие его торс, мягко раскачивались, словно они действительно играли на одном инструменте.

Внезапно клавиши начали играть сами собой, усиливая этот ритм, превращая движения в музыку. Мелек запрокинула голову назад, и горячая волна прошла по её телу, растекаясь как огненная лава. Из груди вырвался тихий стон, после чего она обмякла и опустила голову ему на плечо. Рояль замолчал, и клавиши затихли. Ещё несколько минут они просто стояли,

прижавшись друг к другу. Мелек ушла в спальню, а Кемаль, натянув первую попавшуюся футболку, вышел во двор.

Он шёл по узкой дорожке, ведущей к морю, освещённой серебряной лунной тропой. Ночь в Чешме была густой, словно накрывала всё вокруг невидимым покрывалом. Сбросив ботинки, он сел на остывший после дневного зноя песок и закурил сигарету. Дым медленно растворялся в ночном воздухе, смешиваясь с запахом соли и моря.

«Кемаль! Ты чувствуешь себя счастливым? Ты же давно хотел покоя в своей душе. Скажи, что ты счастлив, и я отпущу тебя с миром домой», — спросил внутренний голос.

«Зачем ты сегодня представлял рояль вместо столешницы, скажи?» — не унимался он. — *«Неужели в твоей душе всё настолько плохо, что ты рисуешь картины чужими руками на своём собственном столе?»*

«Забудь эту пианистку и не выдумывай! Я знаю, что рояль и любовь к музыке здесь ни при чём!» — вдруг выкрикнул голос, перекрывая порыв ветра.

«Люби то, что даровано тебе Богом. Храни её и борись за неё. Слышишь?..» — в последний раз прошептал он и растворился в чёрном небе.

Кемаль сидел и смотрел на красный огонёк сигареты, который вспыхивал после каждой затяжки и снова затухал. Ему было стыдно признаться, но его внутренний голос нагло лгал. Он хотел бы полюбить Мелек снова, но сердцем понимал, что лишь подчиняется рабской и отстранённой форме любви с изощрённой степенью морального садизма.

Ветер усиливался, щекоча струйками песка его ноги. Тёмные волны уверенно накатывались на берег, протягивая свои холодные языки за линию лежаков. Где-то вдаль доносился гул автомобилей, словно напоминание о существовании другого мира. Кемалю вдруг захотелось свернуться калачиком, укрыться песочным покрывалом и просто уснуть под чёрным, усыпанным звёздами небом. Но он нехотя поднялся с песка и, окинув взглядом лунную тропу на воде, направился к дому, чувствуя, как ночь постепенно отпускает его, оставляя наедине с новым днём.

Глава 4. Чайки умеют молчать

Кемаль лежал с закрытыми глазами, ощущая руки Мелек, которые, едва касаясь кончиками пальцев, скользили по его шее. Она поочерёдно наматывала на палец выющиеся пряди его волос, словно не желая будить. Из этого сонного притворства его внезапно выдернул телефонный звонок.

— Доброе утро, дружище! Надеюсь, я не разбудил вас! Мы выезжаем к вам прямо сейчас. С нами будет ещё несколько человек, так что готовься к вечеринке! Надеюсь, раки ты для нас найдёшь! — просипел Февзи и повесил трубку, не дожидаясь ответа.

«Часы показывали 8:30 утра, а это означало, что к пяти они уже будут здесь», — подумал Кемаль, глядя на стрелки.

— Мы ждём гостей? — спросила Мелек, слегка потянувшись и выгнув спину, как кошка, только что проснувшаяся на солнце.

— Да... После полудня придут Февзи, Айше и ещё несколько человек, — поджав губы, недовольно промямлил Кемаль, хотя где-то глубоко внутри даже почувствовал облегчение.

Это внезапное стечение обстоятельств могло разрядить напряжение, повисшее между ними. Впрочем, если быть честным, напряжённой эта ситуация была скорее для Кемалья, чем для Мелек. Она, напротив, выглядела полной надежд, будто верила, что их отношения можно вылечить, как старую, но ещё не смертельную болезнь. Последние дни безудержной близости действительно сближали их, создавая иллюзию прежнего тепла, но что-то внутри его не отпускало, словно настойчивый шёпот, от которого невозможно было избавиться. Есть люди, которые умеют легко прощать ошибки, но, видимо, это был не Кемаль.

Мелек тем временем ушла на кухню. Её утро всегда начиналось со стакана воды с долькой лимона, которому она приписывала магическое, омолаживающее действие на организм. Хотя, если быть честным, для своих тридцати с лишним лет она выглядела более чем молодо. И причиной тому был явно не кислый лимон, а её врождённая стервозность, которая творила чудеса.

Приняв душ, он обнаружил, что в ванной не осталось ни одного полотенца, и вышел наружу, оставляя за собой мокрую дорожку на полу.

— Куда подевались все полотенце? — воскликнул он и проскользнул прямо к гардеробу.

— Я не успела вчера их повесить в ванной, — с разочарованием в голосе ответила Мелек.

— После нашей близости я меньше всего думала о полотенцах.

Кемаль набросил халат и вышел во двор. Он собирался свернуть за дом в сторону бассейна, но в дверях появилась Мелек.

— Пойдём, я приготовлю завтрак, — промолвила она.

Кемаль вернулся за ней в дом, решив отложить свой побег за угол на потом. Время близилось к обеду. Солнце нещадно выжигало всё живое вокруг, будто проверяя мир на выносливость. Они устроились возле бассейна, в тени большого зонта, который, словно пёстрый гриб, защищал от палящих лучей.

— Пойдём окунёмся, — сказала Мелек.

Они спустились в прохладную воду, и по коже пробежала мелкая приятная дрожь, которая мгновенно освежила тело. Мелек плескалась, подпрыгивая вверх и вниз, словно на воображаемых волнах, и каждый её резкий всплеск поднимал в его голове настоящее штормовое волнение. Прижавшись к бортику, Кемаль наблюдал, как при каждом движении вода вздрагивала вместе с её телом. Навеселившись вдоволь, Мелек выбралась из бассейна и растянулась на лежаке.

Небо медленно двигалось, заключая белые, невесомые облака в свои объятия и унося вместе с ними солнечные лучи прочь. Они решили перебраться в дом и сыграть партию в шашки, как внезапно за окном раздался сигнал автомобиля. Кемаль выглянул и увидел новенькую BMW Февзи.

— Мелек, встречай гостей, мне срочно нужно переодеться, — немного замешкавшись, попросил он.

Натягивая потёртые джинсы, Кемаль прислушивался к голосам за дверью. Он не знал, сколько человек его дорогой друг умудрился усадить в свою машину, но что-то подсказывало ему, что компания будет не меньше пяти человек. Гости уже заходили в дом. В дверном проёме стоял Февзи с двумя чемоданами, а Айше тем временем уже хозяйничала на кухне, выкладывая купленные продукты на столешницу.

— А где же ваши друзья? — уже собирался спросить Кемаль, как вслед за ними в доме появился Ферид — их общий друг и деловой партнёр Февзи.

Сразу за ним вошла Айрис, его давняя подруга, с которой они вот уже почти три года никак не могли решиться на свадьбу. Поприветствовав друзей, Кемаль невольно бросил взгляд на тропинку, ведущую к дому. И тогда он увидел её.

На ней было платье жемчужного цвета и бирюзовая шляпа, подчёркивающая красоту и безупречный оттенок её волос. В её руках была плетёная сумка, а ноги обуты в босоножки с длинными завязками на щиколотках в греческом стиле. Она медленно шла по дорожке к дому, словно время вокруг неё вдруг *decidió* притормозить.

— Добро пожаловать... Анна, — запнувшись, произнёс Кемаль. — Проходите в наш дом.

Слова прозвучали слишком просто для того, что в этот момент происходило внутри него.

«Наверное, если бы мне довелось родиться заново, я выбрал бы именно этот день», — подумал он.

Его охватило такое волнение, которому он не мог найти разумного объяснения, ведь, по сути, на той вечеринке он даже толком не разглядел её лица. Всё, что вырисовывалось в его голове после того странного знакомства, — это её волосы, переливающиеся, как солнечные лучи, и этот дурацкий рояль. Рояль почему-то стал связующим звеном в этом странном, почти мистическом начале.

Кемаль чувствовал себя подростком, у которого гормоны предательски вырываются наружу, как непрошенные джинны из бутылки. Смущение и радость растекались по его лицу, словно сахарный сироп по айве. Даже Февзи — человеку, которому обычно не свойственно было замечать что-то дальше собственного носа, — сказал, что Кемаль улыбается, как Чеширский кот с картинки.

Выгрузив все покупки, компания переместилась на задний двор поближе к мангалу для барбекю. Ферид и Февзи были заняты приготовлением адана-кебаба, а женщины что-то оживлённо обсуждали, расположившись на лежаках с бокалами вина в руках.

— Кемаль! Как дела у фабрики? — спросил Ферид, усердно нанизывая порцию мяса на шампур. — Я слышал, вы переживаете не лучшие времена?

— Да... — с сожалением вздохнул он. — Отцу очень сложно принять новые реалии. Он чтит традиции фабрики, но мир не стоит на месте.

— Если хочешь, я могу поговорить с ним, — сказал Февзи, явно пытаясь поддержать.

— Спасибо, но, думаю, отец никого не станет слушать, — с досадой ответил Кемаль.

— Всё готово, давайте за стол, — окликнул Ферид, и компания переместилась за стол.

Кемаль не чувствовал голода и потому медленно ковырял вилкой рис, надламывая кебаб на своей тарелке. Вино уже давало о себе знать, тяжело постукивая виноградными косточками где-то в голове. Он украдкой наблюдал за Анной, стараясь избегать её взгляда. Ему нравилось следить за её движениями, и, несмотря на громкий смех, в них сквозили застенчивость и лёгкое смущение.

Мелек, периодически хватая его за руку, возвращалась к старым историям с корта. Кемалю тоже было дорого их прошлое, но, в отличие от Мелек, он жил настоящим и не мог больше томить себя призрачными воспоминаниями о некогда счастливой молодости. Для Мелек их прошлое было убежищем, Кемалю же оно казалось всего лишь тенью.

Чёрное небо мягко укутывало виллу звёздным покрывалом. Наступила полночь, и гости начали один за другим покидать стол. Кемаль бы и сам давно хотел вытянуться горизонтально, но присутствие Анны не позволяло ему сделать и шага в сторону. Он чувствовал себя молодым, бурлящим вином, готовым пролиться, минуя бутылки, прямо на колени к Анне.

В его голове вдруг возникла картина: он подходит к ней, обнимает со спины, нежно касаясь губами её шеи, ухватив ладонью её золотистые волосы. Ему казалось, что этот пьянящий запах её кожи и волос слышен за километры, но право прикоснуться к ним принадлежало только ему — по крайней мере, так это ощущалось в ту минуту.

— Кемаль! — раздался голос Фериды, выдернувший его из алкогольных грёз.

— Ты сегодня какой-то слишком задумчивый, брат! — язвительно продолжил он, переводя взгляд с него на Анну.

Кемаль молча встал из-за стола и, попрощавшись, сообщил, что идёт спать. Голова шла кругом, но ноги каким-то чудом донесли его тело до кровати, на которую он упал не раздеваясь. Люстра на потолке танцевала вальс, рассыпая вокруг золотистые огоньки. Он дотянулся до выключателя и погасил этот мерцающий бал. Слегка приоткрыв глаза, он увидел большую чайку, сидящую на подоконнике. Птица сидела неподвижно, будто не собиралась улетать.

«Если бы чайки умели говорить, — подумал он. — Мне так много нужно сказать, и, кажется, ты — единственная, кому я могу доверить свою тайну».

— О какой тайне ты говоришь, Кемаль? — спросила чайка. — Разве тебе есть что скрывать?

— Нет, мне нечего скрывать, — ответил он. — Но за эту неделю у меня появилась маленькая тайна, о которой я хочу рассказать.

— И что же это за тайна? — с наигранным любопытством произнесла чайка.

— Если я скажу, ты будешь молчать? — спросил Кемаль.

— Говори же уже! — недовольно выкрикнула она, издав громкий звук.

— Мне кажется, я влюбился, — с улыбкой ответил он. — Я пока не уверен до конца, но я думаю о ней с того самого момента, как увидел её золотистые волосы, волшебным образом покачивающиеся в такт движению плеч за роялем.

— Я знаю твою тайну. Твои глаза выдают тебя. Но не бойся, я никому не расскажу. Чайки умеют молчать, — ответила она и, взмахнув крыльями, исчезла в ночи.

Наступило утро. Кемаль рассматривал потолок, думая о том, что это лето в Чешме выдалось слишком плаксивым. Шёл дождь, и его слёзы громко стучали по крыше дома, то затихая, то вновь начиная выть навзрыд. Мелек ещё спала, завернувшись с головой в мягкое белоснежное одеяло. Вдруг поднялся резкий ветер, и спустя пару мгновений раздался первый раскат грома. Яркая молния, словно сверло, прошила серое небо.

Кемаль лежал и смотрел на это завораживающее громовое шоу, представляя, как большая птица «из вчера», взмахивая своими могучими крыльями, рассекает мрачное небо, извилисто лавируя между ослепляющими молниями. Прислушиваясь к звукам дома, он ловил себя на мучительной ревности от неведения — чем закончился вчерашний вечер.

«Где сейчас Анна?» — мелькнуло в его голове, но в тот же миг новый раскат грома раскромсал эту мысль своими железными трезубцами.

Кемаль лежал, не желая вставать, рисуя в голове образы, словно молодой художник, взявший в руки кисть и ещё не знающий, где проходит граница между воображением и реальностью. Он представлял Анну, сидящую на подоконнике в белом платье из тонкой ткани. Её волнистые волосы окутывали плечи золотистой паутиной. Среди молний и глухих раскатов грома она казалась особенно хрупкой, словно не принадлежала этому бурному утру.

— Нужно приготовить завтрак. Надеюсь, погода разойдётся, и мы что-нибудь придумаем! — сказала Мелек, выдернув его из утренних мыслей.

— Я уже встаю, — неохотно промычал Кемаль, выбираясь из-под одеяла.

Мелек послала ему воздушный поцелуй и скрылась за дверью спальни. Кемаль ещё несколько мгновений не хотел покидать кровать, предпочитая смотреть сквозь призму воображения на Анну, сидящую у окна в его мыслях. Настенные часы пробили двенадцать утра, и, наконец поднявшись, он направился в ванную комнату.

Струйки прохладной воды стекали по его сонному лицу, покрывая тело лёгкой, освежающей испариной. Он снова представлял её. Его руки в воображении едва касались её лица, а взгляд тонул в её серых глазах. Он наконец запомнил их с первой секунды, когда увидел её на пороге дома. Он мысленно гладил её мокрые волосы, едва касаясь влажных губ, по которым стекали струйки холодной воды.

— Ты ещё долго? — крикнула Мелек, постучав в дверь и разом разрушив его мысли, которые уже успели превратиться из прохладных капель в кипящий поток.

— Иду! — отозвался он, схватив полотенце и яростно вытирая мокрое тело, будто пытаясь стереть не воду, а внезапно нахлынувшую лавину собственного воображения.

Из кухни доносились голоса. Айше, Айрис, Февзи и Ферид обсуждали последние финансовые новости. Кемалю вдруг захотелось закопаться в белое одеяло, как в сугроб, чтобы хоть немного прийти в себя и заморозить все мысли об Анне.

— Доброе утро, Кемаль! Ты долго спал. Как ты себя чувствуешь? Вчера мы тебя потеряли, — улыбаясь, воскликнула Айше.

— Я в порядке. Голова гудит от дождя, — попытался он отшутиться и перевести разговор на погоду.

— А где Анна? — спросил Кемаль, стараясь выглядеть непринуждённым.

— Джаным, Анна ушла в город встретиться с Юсуф-беем. Ты же помнишь этого господина с вечеринки, — ответила Айше.

— Я не знал, что они знакомы, — вырвалось у него случайно.

— Мы вообще многого не знаем об этой иностранке. Нам-то какое дело? — сказала Мелек с ехидной улыбкой.

Кемаль отвёл взгляд в сторону, стараясь скрыть своё разочарование, и тут же поймал себя на мысли, что, возможно, так даже лучше.

Мелек разливала из большого медного чайника крепкий чай, который играл насыщенной бордовой краской в прозрачных стаканчиках. Маленькие миски с вареньем из айвы, мёдом и каймаком дополняли этот гастрономический ансамбль, рядом теснились тарелки с сырами и фруктами. Айше раздавала порции менемена в маленьких сковородках, на ходу посыпая горячую яичную массу тёртым сыром.

Голод внезапно затмил его недавнее отчаяние при виде этого колоритного завтрака. Спустя полчаса Кемаль чувствовал себя спокойным и сытым мужчиной, готовым взять на себя роль радушного хозяина и придумать для гостей какую-нибудь развлекательную программу. Тем временем гром вместе с армией чёрных туч покинул прибрежный район, и, недолго раздумывая, они решили всей компанией отправиться на пляж.

В это время Анна сидела молча напротив колоритного господина, медленно смакуя вкус кофе. Её взгляд застыл где-то вдаль, как яичница на тарелке, к которой она едва притронулась.

— Анна! Посмотри же на меня! — настойчиво произнёс Юсуф, протянув руку и крепко схватив её за запястье.

— Я пойду, — сказала она, резко вырвала руку из его тисков и отвернулась в сторону.

— Постой! Ты не можете просто уйти! — взмолился Юсуф, пытаясь остановить её.

— И даже если ты захочешь, ты ничего не сможешь изменить. Пойми же наконец! — настаивал он, вцепившись в хрупкое плечо Анны.

— Скажи, за что ты так со мной? — прошептала она, медленно опустилась на стул, и её глаза наполнились слезами. — Просто отпусти меня! Ты же знаешь, я тебя никогда не любила!

Юсуф молча смотрел на неё, гневно сверкая пронзительно-зелёными глазами. На его идеально вылепленном, харизматичном лице играли скулы от негодования. Все его многолетние попытки — следуя сделке, заключённой с матерью Анны, — превратить её в свою возлюбленную так и не увенчались успехом.

Но Юсуф прекрасно осознавал: как бы она ни сопротивлялась, он будет идти за ней повсюду. Он знал: пока мать Анны жива, никто не в силах отнять её у него. Этот договор был его страховкой. Юсуф слишком долго искал её, чтобы теперь вот так просто отпустить, и даже если это будет стоить ему жизни, он не позволит ей снова сбежать.

Анна медленно брела по дороге, ведущей к вилле Кемалья и Мелек. Влажный и горячий ветер жадно окутывал её тело, пытаясь резкими порывами сорвать соломенную шляпу с её головы. Её серые глаза, опухшие от слёз, были надёжно спрятаны за чёрными очками. Анна достала из сумки шелковую косынку и аккуратно завязала её поверх выющихся волос, после чего вновь надела шляпу.

Минуя поворот к пляжу, она остановилась возле вывески небольшого кафе. Постояв несколько секунд, словно решаясь, она толкнула дверь и вошла внутрь. Чувство растерянности давило изнутри, распирая всё её существо и дробя мысли и дыхание. Она сделала заказ и закурила сигарету в ожидании кофе. Да, именно аромат кофе из раза в раз чудесным образом возвращал её к жизни. Расплатившись, она спешно вышла на улицу.

«Анна никак не могла понять, где именно она допустила ошибку. Как Юсуф её нашёл. Хотя, учитывая его влияние и связи, можно было догадаться, что это рано или поздно должно было случиться. За три года, проведённые в Стамбуле, она впервые по-настоящему

вздохнула, почувствовав себя вольной птицей, способной взмахнуть крыльями и летать, но встреча с Юсуфом на корабле разрушила её последнюю надежду».

До дома оставалось не больше трёхсот метров. Казалось, ветер немного утих, и Анна направилась к дому. Открыв калитку, она сняла туфли и босиком подошла к входной двери. Внутри не было ни души, лишь ветер танцевал медленный вальс с белыми шторами в распахнутом окне. Поднявшись на второй этаж в гостевую комнату, она сбросила с себя одежду и рухнула на прохладное одеяло. От усталости её глаза слипались, и сон подкрался как единственная защита от напряжения. Её дыхание выровнялось, и спустя пару минут она окончательно уснула.

Глава 5. Сто восемьдесят градусов

Наступил полдень, и солнце нещадно сжигало всё перед собой, словно проверяя этот день на выносливость. Найдя несколько свободных лежаков, Мелек, Айрис и Айше

расположились на них, расстелив яркие махровые полотенца. Ферид и Февзи дурачились, гоняя найденный на пляже детский мяч по горячему, обжигающему песку.

Кемаль укрылся в тени зонта, лениво цедя ледяной Vomonti с его горьковатым привкусом ячменя и свободы. Жара и хмель приятно кружили голову, утягивая в ленивую полудрёму. Окончательно проваливаясь в этот тягучий туман, он коротко попрощался со всеми и ушёл в прохладную тишину виллы.

От белых стен веяло прохладой, словно дом хранил в себе остатки ночной тени. В гостиной аккуратно были расставлены статуэтки, китайские вазы, а у стены на этажерке красовалась большая коллекция книг. Кемаль поднялся наверх и, сняв с себя часть одежды, рухнул на белоснежное одеяло, уткнувшись лицом в подушку. Прележав так какое-то время, он почувствовал, как мысли снова возвращаются к Анне. Время близилось к обеду, и ему показалось странным, что её до сих пор нет.

В доме стояла плотная тишина. Прислушиваясь к редким звукам, он вышел из спальни и, задержав дыхание, осторожно приоткрыл дверь в гостевую комнату. Анна лежала, уткнувшись лицом в подушку. На ней была белая шёлковая туника, едва прикрывающая верхнюю часть бёдер. Золотистые волосы небрежно спадали, закрывая часть её лица. Она крепко спала, свесив одну руку с края кровати.

Солнечный луч освещал её бедро, оставляя на коже едва заметные искрящиеся песчинки. Кемаль замер на месте, не в силах пошевелиться. Ноги словно намертво приклеились к полу, а взгляд медленно, почти виновато скользил от макушки волос до кончиков пальцев. Он был готов был провалиться сквозь землю, лишь бы это мгновение не закончилось никогда. Анна тихо вздохнула во сне и, потянув на себя одеяло, повернулась лицом к Кемалю. Он поспешил выйти, но Анна, открыв глаза, резко присела на кровати, натянув одеяло до самой шеи.

— Анна, прости... Я думал, здесь никого нет, и поднялся проверить окна, — соврал он.

Прикрывая за собой дверь, он уже собирался спуститься вниз, как вдруг услышал за спиной её голос:

— Кемаль! Ты не мог бы принести мне холодной воды?

Он рванул вниз, словно провинившийся мальчишка, которого внезапно вызвали к доске. Достав из холодильника бутылку холодной воды, он бросил кубик льда в стакан и снова направился наверх. Анна по-прежнему сидела на кровати и без всякого смущения смотрела на него. Протянув ей стакан, он долил воды и вышел, не проронив ни слова. Голова кружилась, как бешеная юла, затягивая его мысли в центрифугу хаоса. Ноги неохотно тащили тело вниз, вопреки всем тайным желаниям, которые он старательно пытался заглушить.

Спустившись вниз, он вошёл в ванную комнату. Включив кран с холодной водой, Кемаль долго стоял, глядя на своё отражение в зеркале. Впервые за десять лет он увидел мужчину,

в глазах которого разгорался пожар, внезапно вспыхнувший и способный быть погашенным лишь одной женщиной. И этой женщиной была Анна.

Сквозь шум бегущей воды он уловил, как она спустилась вниз, на кухню. Он представил, как она наливает чай, расставляет посуду, будто всегда была здесь, но её голос вырвал Кемаль из этих бессмысленных фантазий.

— Я хотела бы сделать кофе, не подскажешь, где у вас находится джезве? — крикнула Анна.

Кемаль рванул вниз, достал турку и поставил её на столешницу. Он молча наблюдал, с какой особой любовью она готовила кофе. Каждое её движение было актом высшего изящества. Ему казалось, «что она не просто варит кофе, а приручает этот дом и его вместе с ним.

Анна стояла так близко к Кемалю, что запах её волос и тонкий аромат кожи кружили ему голову. Внезапно она, резко развернувшись, случайно уткнулась ладонью ему в грудь. От неловкости она покраснела и сделала шаг назад. Кемаль стоял как вкопанный, перегородив ей путь, и не мог пошевелиться. Ему до боли хотелось не отпускать её руку, но он не мог позволить себе не то что сделать — даже представить. Анна смотрела ему прямо в глаза, словно пытаясь за эти короткие секунды прочесть его изнутри. Он сделал шаг назад, давая ей возможность отойти от окна. Убрав ладонь с его груди и едва улынувшись, Анна вышла из кухни.

Внезапно дверь распахнулась с громким стуком, и в проёме появились Февзи и вся компания. Шум, ворвавшийся вместе с ними в дом, казался кошунством. Их громкие голоса вдребезги разбили ту драгоценную тишину, в которой только что таяло дыхание Анны.

— Кажется, успели! — запыхавшись, сказала Айше, вбегая в дом.

— Да уж! Совсем не хотелось промокнуть! — подхватила Айрис, стряхивая с волос капли дождя.

— Вы хотя бы искупались? — спросил Кемаль, откупоривая бутылку вина.

— Брат! Ещё не вечер, а ты уже за вино! — рассмеялся Февзи, доставая бокалы с полки.

— А что ещё делать? — устало заметила Мелек, видимо, так и не выпавшись на пляже.

— Давайте приготовим что-нибудь на обед! — воодушевлённо сказала Анна, доставая из нижнего ящика кухонного комода сковородки и кастрюли.

— Друзья! Пока вы готовите обед, я съезжу куплю ещё вина — на вечер у нас осталось не так уж и много, — сказал Кемаль, уже на полпути к двери.

Он открыл дверь автомобиля и сел за руль. Немного отъехав от дома, он закурил сигарету. В небе глухо перекатывались раскаты грома, и через несколько секунд яркие молнии пронзили почерневшее небо, разрывая его на ослепительные осколки. Кемаль откинул спинку сиденья, выпуская кольца дыма в узкую щель приоткрытого окна. Он думал об Анне. Думал о Мелек.

«Как его пресная, почти безвкусная жизнь могла развернуться на сто восемьдесят градусов всего за несколько дней?»

Жизнь с Мелек только-только начала обретать утраченное равновесие, словно старые весы, на которые наконец положили верный груз. И как получилось, что именно в этот момент внезапно появилась Анна?

Несмотря на шторм за окном, в доме царила весёлая атмосфера. Девушки нарезали салат, а Февзи с Феридом жарили мясо на сковороде, наполняя дом густым, тёплым ароматом.

«Куда он запропастился?» — мелькнула мысль у Мелек, как в этот момент входная дверь распахнулась и на пороге появился Кемаль.

— Ты вовремя! А то я уже собралась тебя искать! — сказала она, раскладывая салат по тарелкам.

Время бежало так быстро, что никто не заметил, как наступил вечер. Возможно, потому что небо давно закончило играть свою солнечную пьесу, оставив лишь мрачный покров до следующего утра. Кемаль вышел на террасу, выходящую к бассейну, и закурил сигарету.

— Ты тоже любишь сидеть под дождём? — раздался голос Анны.

Кемаль повернул голову и увидел её тёмный силуэт в беседке неподалёку от бассейна. От неожиданности он не сразу нашёл, что ответить. Взяв бутылку вина, он направился к ней и сел рядом. Анна печально смотрела в свой бокал, нервно перебирая пальцами тонкую ножку.

— Ты чем-то расстроена? — спросил он, уловив перемену в её настроении.

— Немного, но всё поправимо, — ответила она с осторожным оптимизмом.

Кемалю безумно хотелось спросить её про встречу с Юсуфом, но он не мог позволить себе быть с ней настолько прямолинейным. Он мысленно уговаривал себя, что всё, что связано с Анной, его не должно волновать. Но это была ложь. Он хотел знать о ней всё: чем она дышит, как живёт, чем занимается, что любит и с кем спит. Именно последний пункт навязчиво сверлил его мозг весь прошедший день. И в этот момент Анна, вставая, случайно выплеснула часть вина ему на футболку.

— Прости меня, пожалуйста! — взмолилась она, тут же пытаясь руками стереть пятна с ткани.

Пятно на футболке расплзлось, как чернильная клякса на чистом листе его жизни, окончательно перечёркивая всё, что было до этого момента. Её прикосновения были приятны, почти опасны, но ему было совершенно всё равно, что станет с этой тканью.

— Я пойду возьму салфетку, — сказала Анна и направилась к дому.

— Стой! Не уходи! — окликнул её он.

— Кемаль, мне правда неловко... Я не хотела..., — с досадой сказала она, опустив взгляд.

— Анна, забудь уже про эту футболку. В этом мире есть вещи гораздо важнее, — произнёс Кемаль, сам не до конца понимая, что именно он хотел сказать и как удержать её рядом.

— Сегодня весь день наперекосяк, — грустно произнесла она, сев обратно в кресло.

Она склонилась над бокалом, словно пытаясь разглядеть в его глубине ответ или хотя бы отражение своих мыслей. Кемаль наклонился к ней ближе, чтобы уловить аромат её волос. Единственное желание, преследовавшее его весь последний день, — утонуть в этой золотистой копне, забыв обо всём остальном.

Они просидели молча ещё несколько минут, после чего медленно направились в сторону дома, не торопясь и не нарушая этой хрупкой тишины.

Глава 6. На камнях Румели

Прошло несколько дней. Стамбульское утро всё ещё шептало свою дождливую пьесу, а говорливые чайки без умолку кричали, пытаясь затмить разговоры случайных прохожих. Ветром доносило густой запах моря. Почему-то Анне всегда казалось, что Босфор пахнет медузами. Иногда этот аромат смешивался с привкусом жареной рыбы и каштанов, но особенно остро он ощущался по утрам — когда можно было в тишине пройтись по набережной Арнавуткёя или Сарыера, где рыбаки только начинали выгружать свои снасти.

Из соседнего окна доносились звуки фортепиано. Анна любила этот инструмент и могла часами слушать ноты, плывущие сквозь утренний воздух. Внезапно музыка унесла её мысли на корабль. Её одолевало острое нежелание увидеть Юсуфа вновь. Она хотела навсегда вычеркнуть из памяти тот день, когда пообещала матери стать его женой. Её тяжёлые мысли прервал телефонный звонок.

— Анна! Доброе утро! Как ты? — раздался в трубке голос Кемалья. — Я беспокоился, ты так внезапно уехала вчера. Надеюсь, у тебя всё в порядке...

— Доброе утро! Благодарю, у меня всё хорошо. Надеюсь, я не сильно обременила вас своим присутствием, — внезапно съязвила Анна, понимая, что откровенно лукавит.

Она прекрасно чувствовала его интерес, который одновременно и радовал её, и огорчал. Роман с женатым мужчиной не сулил добра, но Анна, как магнит, притягивала к себе интриги. Однако с Кемалем всё было иначе. В отличие от других мужчин, он не пытался казаться «мачо», которые так навязчиво искали её расположения.

— Ты меня слышишь? — после возникшей паузы продолжил Кемаль. — Если ты свободна, я хотел бы предложить прогуляться по набережной.

— Хорошо, почему бы и нет? — ответила она, бросив взгляд на своё хитрое отражение в стекле серванта.

— Тогда до встречи в тринадцать ноль-ноль в Эминёню, — ответил Кемаль и повесил трубку.

Раздались короткие гудки. Анна стояла, прижимая телефон к груди и поправляя свободной рукой непоседливую прядь волос. Вернувшись на кухню, она жадно откусила круассан и сделала большой глоток остывшего кофе. Время на часах близилось к полудню — на сборы оставалось совсем немного. Надев серебряные серьги, она открыла дверцу шкафа, которая нудно поскрипывала, как старая половица.

«Нужно наконец избавиться от этого скрипа», — подумала она, доставая платье.

Скользнув в туфли, она подхватила сумку и вышла из дома. Дождевые тучи сменились ярким солнцем, которое уже успело раскалить асфальт.

На Галатском мосту, как обычно, выстроились рыбаки. В пластмассовых вёдрах бултыхалась мелкая добыча, переливаясь серебристой чешуёй на солнце. Небо медленно затягивало томной белой дымкой, и только серые облака намекали на дождь. Анна быстрым шагом шла по мосту, желая поскорее оставить позади рыбную суету. Спустившись к набережной Эминёню, она направилась к тёмному гранитному бордюру, где можно было сесть, почти касаясь ногами тёмных вод Босфора.

Она устроилась на причале, наблюдая, как волны разбиваются о гранит, разлетаясь белыми брызгами. Ветер усиливался, и от утреннего жара не осталось и следа.

«Кемаль, наверное, уже рядом», — подумала она, и в этот момент чья-то рука легла ей на плечо.

От неожиданности Анна подскочила, готовая обрушиться с гневом на очередного навязчивого торговца парфюмом, но перед ней стоял Кемаль.

— Ты меня напугал! — воскликнула она немного раздражённо.

— Прости, я не хотел, — неловко краснея, ответил он. — Хотел сделать сюрприз.

— Сюрприз удался! Я чуть не улетела в Босфор, — рассмеялась Анна.

— Хорошо, обещаю больше так не делать! Чем я могу искупить вину? — Кемаль взял её за руку.

— Поехали в Бебек! Хочу гулять по набережной и съесть мороженое, — сменила она гнев на милость.

— Прошу, госпожа! — Кемаль подхватил её под руку, и они направились к машине.

Раздались первые раскаты грома, и уже через несколько секунд с неба обрушилась водная лавина, похожая на кем-то случайно опрокинутое ведро.

Они тронулись не спеша, оставляя за собой сизое облако выхлопа, вырываясь между прохожими, которые хаотично перебежали улицу с разных сторон. Кемаль украдкой наблюдал за Анной, которая с интересом разглядывала ускользающие пейзажи за окном. Ему хотелось взять её за руку или коснуться волос, но он боялся оттолкнуть её своим чрезмерным вниманием. Да и как он мог! Всё же он официально женат.

Сквозь скрежет работающих дворников и шум дождя где-то эхом разносились звуки азана. Голос муэдзина казался Кемалю голосом совести, напоминающим о невидимых границах, которые он так отчаянно хотел, но боялся переступить. Город жил своей обычной жизнью, равнодушный к их присутствию, и только для Кемалья этот новый отрезок пути рисовал картину запретного мимолётного счастья.

— Дождя уже нет, оставим машину здесь и пройдемся пешком, — сказал Кемаль, припарковав автомобиль в одном из переулков Джевдет-паша Джаддеси.

Они вышли на набережную в Бебеке и направились в сторону маяка. Кемаль осторожно взял её за руку, а Анна крепко сжимала его пальцы, отвернувшись в сторону пришвартованных старых кораблей. Кемаль продолжал тайно подглядывать за ней. В её взгляде жила какая-то особая тайна — глубокая, не для чужих глаз, которую она тщательно прятала от людей и, возможно, даже от самой себя. С порывами ветра её волосы разлетались в разные стороны, закрывая часть лица и едва касаясь его щетины.

В этом движении воздуха он едва улавливал тонкий аромат её кожи и волос, который, как безумного портретиста, сводил его с ума. Кемаль и вправду сходил с ума. В его голове крутились невероятные картины. Эти мгновения, позволяющие оказаться к ней так близко, были самыми бесценными минутами из тех, что хочется бережно сохранить в памяти и даже повесить в рамку. Кемаль не хотел ни о чём говорить. Он просто наслаждался моментом, где лишь рокот волн и ветер могли «услышать» его мысли, похожие на смесь мимолётного счастья и болезненного отчаяния, так глубоко застрявших в его израненной душе.

В какую-то долю секунды он подумал о Мелек, но эта мысль растворилась так же быстро, как и возникла, не оставив после себя ни вины, ни сомнений. В конце концов они просто гуляли, хотя в глубине души он понимал, что обманывает себя: эта недолгая прогулка всё сильнее привязывала его к Анне, как толстый канат, которым швартуют корабль, не оставляя шанса уйти обратно в море. И то, что они держались за руки, было частью этой тихой и опасной игры.

На набережную постепенно выползли продавцы уличной еды, которые катили свои тяжёлые тележки в надежде накормить добрую половину неспешно гуляющих стамбульчан.

— Давай заберёмся на крепость, — вдруг сказала она.

— Я готов с тобой куда угодно, — шутя ответил Кемаль.

Анна смущённо опустила глаза, и они направились к главному входу в Румели-Хисары. У входа стояла небольшая будка с узким окошком. Пожилая женщина-кассир с усталой, но доброй улыбкой протянула два билета, будто молча благословляя их подъём. Анна шла чуть впереди, иногда оглядываясь, а Кемаль ловил себя на том, что смотрит не под ноги, а на изгиб её плеч и лёгкое движение спины.

Поднявшись наверх, они сели на деревянную скамейку, откуда открывался вид на Босфор. Анна смотрела вдаль, а Кемаль — на неё, понимая, что именно здесь, среди этих стен, ему становится по-настоящему трудно притворяться, будто всё происходящее — всего лишь безобидная прогулка.

— Посмотри, какое красивое небо, — сказала Анна, подняв голову.

На её тонкой изящной шее проступили мелкие капельки влаги от душной погоды и долгого подъёма на холм. Кемаль не мог оторвать взгляда от её волос, которые небрежно рассыпались по плечам, наполовину скрывая винтажную серёжку. Её грудь тяжело вздымалась при каждом глубоком вдохе, и платье с аккуратным разрезом подчёркивало ложбинку, где в лучах солнца ярко мерцал серебристый кулон.

— Кемаль! Посмотри же! — воскликнула Анна, поймав его взгляд, прикованный вовсе не к облакам.

Он нехотя перевёл взор на небо, пытаясь совладать с мыслями. Всё его тело гудело, точно мотор в машинном отделении корабля, готового на всех парах рвануть вперёд. Он осторожно провёл ладонью по шее Анны. Она вздрогнула, но не выдала смущения, продолжая смотреть вдаль. Кемаль провёл рукой по её волосам, коснулся кончиками пальцев затылка и, запустив руку в мягкие пряди, ласково сжал её шею. Анна послушно запрокинула голову и прикрыла глаза.

Он коснулся подбородка Анны и повернул её лицо к себе. Не в силах больше бороться с собой, Кемаль жадно поцеловал её. Анна тут же отпрянула.

— Кемаль! Я... — попыталась она что-то сказать, но он, пристально глядя ей в глаза, вновь приник к её губам.

На этот раз Анна решительно оттолкнула его и просто отвернулась. В ту секунду Кемаль вновь почувствовал себя пятнадцатилетним мальчишкой, который когда-то впервые решился поцеловать женщину. Это случилось, когда он без памяти влюбился в учительницу музыки, Ёзге-ханым, приходившую к ним домой. Кемаль никогда не питал страсти к фортепиано, но мать упорно настаивала на занятиях, искренне веря, что кто-то в их семье обязательно станет великим, чьё имя услышит весь мир. И вот теперь, спустя столько лет, он снова стоял перед тем же нелепым чувством.

Кемаль отчётливо помнил тот момент, как Ёзге-ханым наклонилась к нему, показывая своими длинными, сильными пальцами, как правильно брать верхнюю октаву. Он чувствовал тепло её плеча, видел, как напрягаются сухожилия на её кисти, и вдруг, отыскав в себе отчаянную смелость, он потянулся и поцеловал её. Она не отшатнулась, но мягко отстранила его губы от своей щеки. С того дня Кемаль больше не садился за фортепиано — ни в её доме, ни у себя. Мать долго пыталась понять, что произошло и почему сын так категорично отвергает музыку, но он молчал.

Но сейчас он испытывал странное и почти пугающее чувство. В её глазах таилось нечто другое, заставляющее его грезить о ней с той самой первой встречи на корабле. Глядя на её пальцы, сжимающие подол платья, Кемаль задавался вопросом: станут ли они играть на его истерзанном сердце так же уверенно, как Ёзге-ханым когда-то взяла ту октаву? И горький парадокс судьбы заключался в том, что Анна тоже играла на фортепиано. Кемаль взял её ладонь и положил себе на грудь.

— Послушай, как бьётся, — сказал он, пытаясь разрядить повисшее напряжение. — Моё сердце стучит так громко, потому что рядом ты.

Слова прозвучали слишком поэтично, и ему казалось, что всё, что он скажет сейчас, будет звучать фальшиво.

— Кемаль... ты женат. И всё это ни к чему, — сказала она, глядя ему в глаза.

— Да, да... ты права. Но ты многого не знаешь, — поспешно перебил он её.

Анна усмехнулась.

— Ха-ха-ха. Так говорят девяносто процентов мужчин, и ты, вероятно, входишь в их число, — сказала она, смеясь, но в этом смехе не было лёгкости.

Кемалю стало неприятно. Её слова звучали с особым упрёком, который бывает у женщин, давно потерявших доверие к мужчинам или никогда им не доверявших. Его тело пылало от желания и отчаяния одновременно, но оказаться в числе этих девяноста процентов он не хотел.

— Анна... Я не знаю, что ты думаешь, но с того момента, как я тебя увидел, я каждую минуту думаю о тебе. Я знаю, что ты мне не веришь, а даже если и веришь — для тебя это, возможно, не имеет никакого значения. Но что бы ты ни думала, это не потушит огонь внутри меня. Он разгорается с каждым днём всё сильнее, оставляя по вечерам чёрный след слепых надежд. И даже если ты сейчас скажешь, что никогда больше не захочешь меня видеть, я приму это как кару Всевышнего..., — неожиданно, на одном дыхании, выпалил Кемаль.

Анна молча слушала, не отводя взгляда. Иногда она смотрела на его губы, бросала строгий взгляд на его ладони. Он хотел извиниться и сказать, что этого больше не повторится, но в этот момент Анна вдруг прильнула к нему. Её губы мягко коснулись его щеки, и в ту же секунду она освободила свои кисти из его рук. Кемаль инстинктивно хотел прижать её к себе, но Анна снова отпрянула и резко встала.

— Давай поедem в Ортакей за мороженым, — неожиданно сказала она, будто ничего не произошло.

От растерянности и секундного счастья Кемаль потерял дар речи. Они медленно спустились по полуразрушенным ступенькам вниз. Её внезапный поцелуй вселил в него огромную веру в то, что он ей всё-таки небезразличен. И даже если бы сейчас вдруг внезапно пошёл снег, его жар надежды растопил бы всё вокруг без остатка.

Спустившись вниз, он остановил первое проезжающее такси, решив оставить машину на парковке. Они уселись рядом на заднем потёртом сиденье автомобиля. В салоне тихо играла турецкая музыка. Водитель ехал не спеша, деловито покуривая сигарету и выпуская куче дыма через приоткрытое окно. Кемаль взял руку Анны и положил её себе на колено. Её кожа была невероятно тёплой и мягкой на ощупь. Он чувствовал, что уже любит её до кончиков ногтей, хотя с момента знакомства прошло совсем немного, но даже это короткое время казалось целой вечностью.

Они вышли и, минуя ряды торговцев с вафлями, направились в сторону мечети Ортакей. Проходя последнюю палатку, откуда тянуло сладким ароматом жареного теста и клубники, Кемаль вдруг вспомнил:

— Ты хотела мороженое, — остановившись, сказал он.

— Я думала, ты забудешь, — ответила Анна, радостно улыбаясь.

Время близилось к закату, и солнце щедро разливало золотистый свет, подсвечивая минареты мечети и старую брусчатку. Этот свет окутывал профиль Анны, превращая её в живое воплощение картины, которую Кемаль бережно дорисовывал в своём воображении. Они присели на лавочку возле большого дерева, росшего прямо посреди площади. Анна с невероятной скоростью расправлялась с мороженым, которое предательски стекало по одной стороне вафельного рожка.

Кемаль сидел и ловил себя на мысли, что именно такие простые мгновения — и есть то самое счастье, которое невозможно удержать, но так легко потерять. Он не хотел возвращаться домой. Одна лишь мысль о том, что им скоро придётся расстаться с Анной, приводила его в отчаяние и вызывала глухую, необъяснимую злость.

«А вдруг у Анны кто-то есть?» — внезапно запаниковал он.

Его воображение, ещё недавно рисовавшее её картину, теперь выстраивало в ряд безликих конкурентов у её дверей. Яд ревности, который он сам впрыснул в этот идеальный вечер, начал медленно отравлять всё вокруг.

— Кемаль, что с тобой? — уловив его рассеянный взгляд, спросила Анна.

Он поймал себя на мысли, как удивительно женщины умеют чувствовать малейшие сдвиги в настроении. Кемаль уверил её, что с ним всё в порядке, но Анна внимательно смотрела ему в глаза, словно проверяя правдивость слов.

Внезапно в её сумке звякнул телефон, грубо разорвав романтическое настроение. Этот короткий сигнал прозвучал как звук лопнувшего стекла, напоминая, что их украденное время истекло. Анна достала телефон и быстро пробежалась взглядом по экрану.

— Мне нужно срочно вернуться домой, — взволнованно сказала она.

— Что-то случилось? — обеспокоенно спросил Кемаль, почувствовав, как напряжение мгновенно сменило её недавнюю лёгкость.

— Нет, — Анна на секунду замялась. — Просто соседка написала, что в доме меняют код и нужно быть на месте, чтобы получить новые ключи.

Кемаль кивнул, не задавая лишних вопросов, но внутри что-то неприятно сжалось. Ему вдруг стало ясно: причина её внезапной спешки была вовсе не в коде от двери. То чувство ревности, которое мучило его последние десять минут, вспыхнуло с новой, болезненной силой, словно кто-то подлил масла в едва тлеющий огонь.

Анна собралась так быстро, что Кемаль даже не успел предложить подвезти её. Он посадил её в такси и ещё долго стоял, глядя вслед жёлтой машине, ускользающей всё дальше по Муаллим Начи Джаддеси.

Солнце почти скрылось за горизонтом, оставляя после себя лишь едва заметные лучи. Когда такси окончательно скрылось из виду, он вернулся туда, где оставил свой автомобиль. В этот вечер Босфор был необычайно тёмным. Казалось, будто кто-то случайно опрокинул чернильницу и смешал бирюзовую воду с иссиня-чёрной краской. Последние пятнадцать минут

он тащился в пробке между Бешикташем и Нишанташи, отрешённо крутя руль и не испытывая ни малейшего желания возвращаться домой. Войдя в квартиру, он услышал голос Мелек, доносящийся с кухни. Она громко смеялась, снова и снова повторяя:

— Я же тебе говорила, а ты сомневалась.

«*Очередные сплетни*», — мелькнуло в его голове, и, не останавливаясь, он направился напрямик в душ.

Включив кран с прохладной водой, он мгновенно оказался под ледяным потоком. В его сознании всплывали обрывки, словно кадры из кино: Босфор, тонкий разрез её платья, серебряный кулон, лежащий на груди, и тот сладковатый тёплый аромат кожи и волос, который он помнил после её ухода. Этот запах словно обвивал его разум, заставляя кровь нестись по венам с пугающей скоростью. Его мысли путались, дыхание сбивалось, и тело отзывалось предательской пульсацией внизу живота. Через несколько минут это внутреннее пламя накрыло его горячей лавиной, смешав в тесной душевой воду, образы и остатки того огня, что испепелял его последние восемь часов.

Выйдя из душевой кабины, он провёл пальцем по запотевшему зеркалу: «Анна», но через пару секунд стёр имя полотенцем.

Увидев его в дверях кухни, Мелек попрощалась с кем-то и резко повесила трубку.

— Я писала тебе и звонила, но ты не брал телефон! — недовольно воскликнула она, даже не поздоровавшись. — Ты как сквозь землю провалился!

Кемаль подумал о том, что уже давно туда провалился.

— Пойдём смотреть кино, — вдруг неожиданно сказала она. — Какой-нибудь триллер или детектив.

Да, Мелек была права. Кемаль любил захватывающие сюжеты, в которых разгадка, казалось бы, лежит на поверхности, но в последний момент всегда наступает неожиданный финал. Они прошли в гостиную, усевшись на большой диван. Кемаль взглянул на Мелек. Она смотрела кино одним полусонным глазом. Ему казалось, что и он находится в таком же полусонном состоянии. Решив её не тревожить, он выключил телевизор. Просидев в темноте несколько минут, он поднялся с дивана и дотащился до кровати. От окна тянуло прохладой, но стоило ему погрузиться в мягкий пух, как вновь нахлынули неприятные мысли.

Несмотря на внезапное ощущение счастья, Кемаль мучила совесть. Как бы он ни относился к Мелек, она всё ещё была его женой, которая с упорством пыталась его вернуть. Он понимал, что не любит её, а может быть, и никогда по-настоящему не любил, и всё, что связывало их эти годы, было ненасытной страстью. Да, Мелек была горячей женщиной, которая умела сводить его с ума именно в постели. Мысли о совести и вожделении путались, пока в какой-то момент веки не сомкнулись, и через несколько минут он провалился в глубокий сон.

Проснувшись утром, он быстро собрался и вышел из дома, стараясь не разбудить жену. Он дошёл до пристани в Каракёе. Вскоре судно, издав пронзительный гудок, отшвартовалось от берега.

Ах, Стамбул! Как же он любил этот город. С пыльным горячим асфальтом, липнувшим к подошвам ботинок. С ветром, уносящим шляпы с голов прохожих и распускающим кудри у женщин. С крикливыми чайками, пронзительно выпрашивающими еду. Со сладким запахом каштанов, поднимающимся тонкой струйкой от тележек уличных торговцев. Этот город был похож на волшебный калейдоскоп, где никогда не знаешь, какая картинка выпадет завтра.

Иногда день может быть пропитан сладким лукумом, а иногда вечер остаётся с привкусом тухлой рыбы. Но Кемаль любил Стамбул любым — хмурым и ярким, промозгло-холодным и изнывающим от жары. Ему казалось, что в этом городе он — недостающая крупинка огромного пазла, где каждая новая картинка — всего лишь очередная сцена его жизни.

Волны мягко раскачивали судно, унося счастливых и несчастных людей прочь от берега. Мерная качка вапура убаюкивала, но не приносила забвения. Кемаль понимал: сколько бы раз

он ни пересекал Босфор, он лишь возит свою тоску с одного берега на другой, и вода не в силах смыть то, что было выжжено на сердце.

Глава 7. Аннабель: Одна рана на двоих

Проснувшись чуть позже обычного утром, Мелек обнаружила, что Кемаль уже ушёл из дома, и решила ещё немного понежиться в постели. Последние дни её мучило странное ощущение — то ли усталости, то ли глухого раздражения, не имеющего чёткого названия. Жизнь казалась пресной, выцветшей, будто лишённой вкуса. Она старалась изо всех сил, чтобы Кемаль уделял ей больше внимания, но все её попытки словно разбивались о невидимую стену. Хотя в глубине души она прекрасно понимала, что причиной холода Кемалья была она сама. Её взбалмошный характер, несдержанность и острый язык — всё это шаг за шагом разрушало их союз, который уже давно с трудом можно было назвать браком.

Мать Мелек — Айлин — никогда не была рада этому союзу. Она считала, что Кемаль недостойн её дочери. Будучи дамой светского общества, Айлин с пелёнок присматривала для Мелек «достойного» жениха, но непослушная дочь успела выскочить замуж за сына торговца средней руки. И пусть по стамбульским меркам семья Кемалья вовсе не была бедной, в понимании Айлин денег у них не было вовсе.

Это случилось после очередной вечеринки у Февзи. Мелек была пьяна, и когда Кемаль попытался увезти её домой, едва стоявшую на ногах, она вдруг, не сдерживая злости, выкрикнула на весь зал:

— Ты вообще кто такой, чтобы мне указывать, что делать? Сын неудачника — и такой же неудачник, как твой отец!

Мёртвая тишина, повисшая в зале, звенела в ушах Кемалья громче любого крика. В этом вакууме он физически ощутил, как рассыпается в прах хребет его достоинства, а осколки его фамильной гордости впиваются в кожу под взглядами сотен жадных глаз.

Кемаль стоял посреди зала кафе в Нишанташи. На него были устремлены десятки, а может, сотни жадных и любопытных глаз, ожидающих хоть какой-нибудь реакции: вспышки гнева, оправдания, скандала. Но Кемаль, не сказав ни слова, просто развернулся и вышел на улицу. После той ночи он не появлялся дома больше недели. Он не отвечал на звонки Мелек, не брал трубку у друзей. Его жизнь незаметно, но окончательно разделилась на «до» и «после». И даже спустя год, когда воспоминания о той гадкой сцене почти стёрлись, Кемаль так и не смог простить Мелек за сказанное и за то, что позволил унижить себя и имя своей семьи.

На протяжении последующих лет Мелек тщательно и почти демонстративно пыталась сгладить свою вину, но в её усилиях не было искренности. Все её последующие старания были лишь декорациями в театре одного актёра, где Мелек играла роль идеальной жены, забыв, что Кемаль уже давно видел изнанку этой сцены.

Каждая новая ссора для Кемалья отзывалась эхом той проклятой ночи, и никакая близость не могла заглушить ту боль, которая медленно засасывала его в чёрную пропасть, приготовленную женщиной, чьи руки когда-то сводили его юношеский разум с ума.

Раз в год его посещала навязчивая мысль о разводе. Она возникала внезапно, как головная боль, и так же внезапно исчезала. Мелек, чувствуя эти моменты, становилась безупречной и страстной женщиной, от которой сложно уйти. И здесь был один жестокий нюанс. Мелек была изощрённой любовницей. Она знала толк в том, как вернуть мужчину не словами, а телом. Эта телесная магия была словно паутина, которую она плела с животной грацией, заставляя Кемалья забывать об унижении в обмен на несколько часов дурманящего забвения.

Мелек, пролежав ещё несколько минут, резко встала с кровати и отправилась в душ. Включив холодную воду, она направила на себя резкую ледяную струю. Тревога вновь накрыла её с неожиданной силой. В этой тесной кабине Мелек была единственно настоящей. Она думала о первом свидании с Кемалем на холмах Пьер Лоти. Об университете и теннисном

корте, где она, смеясь, пригласила его сыграть, прекрасно зная, что он не умеет даже держать ракетку. Угрызения совести не отпускали её даже спустя столько лет, но гордыня и резкий характер не позволяли произнести самое простое и самое сложное слово — «прости».

Поднявшись с затёкших ног, она выключила воду. Вспомнив вчерашний вечерний разговор с Айше, Мелек поспешно вышла из душа и направилась на кухню. Любопытство быстро взяло верх над мрачными размышлениями, и уже через несколько минут она громко смеялась, обсуждая детали очередных светских сплетен, словно ничего внутри неё не болело вовсе.

Утро выдалось удивительно лёгким. В театре в Кадыкёе репетиций не было, и внезапный выходной навевал мысль о побеге из города. Посмотрев расписание кораблей, Анна вдруг захотела уплыть подальше от шумного Стамбула. Собравшись с мыслями и быстро приготовив завтрак, Анна выскочила из дома и поймала такси. Вскоре небольшой корабль отчалил от пристани в Ускюдаре, издав протяжный гудок.

Анна поднялась на верхнюю палубу, с интересом разглядывая азиатский берег. Элегантные особняки соревновались с небольшими домами, у причалов которых покачивались частные лодки. Время будто замедлилось, мягко раскачиваясь на волнах и унося её всё дальше от дома и городской суеты.

Спустя полтора часа корабль пришвартовался в небольшой рыбацкой деревушке, высадив всех пассажиров до последнего. На берегу выстроилось несколько маленьких кафе. Пройдя несколько заведений, Анна выбрала самое близкое к воде, где запах моря смешивался с ароматом свежего кофе и жареной рыбы.

Хозяин кафе курил чёрную трубку с костяной ручкой и исподтишка наблюдал за Анной сквозь очки, спрятав половину лица за раскрытой газетой Sabah. Интерьер кафе был собран из времени и соли. Старые рыболовные снасти украшали пространство: морские ракушки, словно выброшенные волной, расползлись по стенам, выкрашенным в выцветший синий цвет; под потолком паутиной тянулась рыбацкая сеть, а на массивных деревянных опорах висели капитанские телефоны для связи. Над главным входом висели большие металлические часы с надписью 49 Bond Street, London. Неизвестно, где хозяин раздобыл их — привёз ли из Лондона или купил в какой-нибудь антикварной лавке, — но часы смотрелись здесь так, будто всегда принадлежали этому месту.

Анна маленькими глотками пила кофе и думала об их встрече с Кемалем. В её глазах мелькнула тихая грусть:

«Как бы ей ни нравился этот мужчина, их счастьем вряд ли суждено сбыться».

Она слишком хорошо понимала правила этого города. Знала нрав местных женщин, умеющих защищать своё до последнего взгляда, слова и фамилии.

И этот чёртов Юсуф... Он возникал в её мыслях как тень, преследующая при любом свете, не давая ни вздохнуть свободно, ни позволить себе забыться. Его присутствие в её памяти отравляло саму возможность счастья, превращая каждый порыв к Кемалю в попытку побега из тюрьмы, у которой не было стен, но были очень длинные руки.

От нахлынувших мыслей ей стало настолько горько, что даже сладкий лукум оказался бессилён перед её отчаянным настроением. Среди звона посуды внезапный гудок парохода заставил её вздрогнуть, вырвав из тревожных мыслей. Она поспешно расплатилась и быстрым шагом направилась к причалу. Она взошла на корабль и заняла место у окна. Корабль отплыл от причала и резким рывком пошёл вперёд, всё дальше унося её от берега.

В проливе было волнение. Судно сильно качало, и чёрные волны то и дело с глухим, тупым звуком бились о борта, словно проверяя его на прочность. Анна вздрогнула от очередного удара и инстинктивно прижала к себе сумку, словно этот жест мог удержать её от падения или успокоить разбушевавшуюся стихию. Корабль наклонялся то вправо, то влево, резво беснуясь на волнах. Чайки кричали, окружая мачты с обеих сторон, и их пронзительные звуки придавали ещё больше драматизма и без того зловещей пьесе моря. Когда корабль причалил

к берегу, Анна буквально выпрыгнула на сушу и быстрым шагом направилась прочь от пирса, с чувством облегчения, что под ногами снова был надёжный асфальт.

Дождь мелкой сеткой застилал тёмную брусчатку, оставляя на ней бликами расписные отражения красных огней автомобилей. Не дожидаясь зелёного света, она быстро перешла трамвайную улицу. Пройдя чуть дальше, она свернула на улицу, ведущую к Чукурджуме. Дождь немного утих, и местные торговцы один за другим вытаскивали на улицу свои столы с винтажной одеждой, старой посудой и разным барахлом, пригодным на все случаи жизни и ни для одного конкретного.

Немного устав от подъёма по холмистой улице, ведущей вверх, Анна сбавила шаг. Проходя мимо витрины очередного магазина, она вдруг остановилась. Её взгляд зацепился за куклу, висевшую на крючке у входной двери, похожую на марионетку. Взгляд куклы был настолько пронзительным, что Анна не могла отвернуться.

Она подошла ближе и взяла в ладонь маленькую фарфоровую руку, украшенную тонким, едва заметным порезом. Этот едва заметный изъян на фарфоровой ладони отозвался в Анне странной, фантомной болью. Кукла смотрела на неё в упор. На ней было синее-серое платье из тафты с белым воротничком и чёрные кожаные туфли. Каштановая копна волнистых волос закрывала часть бледного лица, и лишь серые глаза ярко блестели в отражении лучей солнца, медленно выползающих из-под облаков.

В этот момент дверь магазина скрипнула, и на пороге появился седой мужчина с удивительно цепким и внимательным взглядом. Старый хозяин винтажной лавки жестом пригласил Анну войти внутрь, чуть отступив назад и сняв куклу с крючка у двери. Анна последовала за хранителем различных эпох и чужих историй, осторожно ступая по узкому проходу между старой мебелью, выстроившейся по обе стороны магазина. Хозяин положил куклу на журнальный столик и жестом предложил Анне присесть.

— Чаю? — коротко спросил он, уже направляясь к задней части лавки.

— С удовольствием, — ответила она, не отрывая взгляда от куклы.

— Как вас зовут? — поинтересовался он, приподняв одну седую бровь и слегка прищурившись, будто пытался разглядеть в Анне что-то большее, чем просто случайную посетительницу.

— Меня зовут Анна, — слегка покраснев, сказала она. — Мне понравилась эта кукла.

— Айдын. Меня зовут Айдын. Рад знакомству, Анна, — сказал он, кивнув.

Его взгляд, скользивший по лицу Анны, казался взглядом реставратора, который ищет трещины на ценном фарфоре. Айдын исчез на маленькой кухне и вскоре вернулся с подносом, на котором стояли два тонких стаканчика чая, сахарница и тарелка с печеньем.

— Итак, дорогая Анна... Эта кукла ждалась вас здесь, — с неподдельной радостью в голосе промолвил Айдын-бей. — Я даже не помню, сколько сменилось ветров и дождей, но вы всё-таки её нашли.

Анна улыбнулась и скромно кивнула в ответ торговцу, находя его предложение купить эту куклу одновременно странным и удивительно точным.

— Какая цена? — спросила она, взяв куклу в руки и усадив её себе на колени.

— Кукла дорогая. Это работа старых немецких или австрийских мастеров, — ответил он, словно листая в голове давно выученную историю. — Точно уже не помню, но ей больше пятидесяти лет.

В его голосе звучала гордость — не столько за цену, сколько за право быть хранителем этой полувековой жизни.

— Она стоит четыреста лир, но... — он внимательно посмотрел на Анну, — я вижу, что вы очень подходите друг другу, поэтому могу отдать её за двести Genesee пятьдесят.

— Двести — и я беру, — внезапно перебила его Анна.

Айдын-бей строго посмотрел на неё и, ничего не сказав, молча ушёл вглубь лавки. Через пару минут он вернулся с газетой в руках. Бережно взяв куклу, он аккуратно завернул её в плотную бумагу и несколько слоёв газеты Sabah.

— Я бы никогда не отдал её за такие деньги, — сказал он, слегка поджав губы. — Но вы, Анна, и эта кукла давно уже принадлежите друг другу. И я рад, что вы её нашли.

Анна поблагодарила хозяина за чай и, прижав к груди свою фарфоровую подругу, вышла из магазина. Она брела по дороге домой, едва касаясь стамбульской брусчатки тонкой подошвой своих лакированных туфель. Поднявшись в квартиру, она рухнула на кровать. За окном мелькали огни машин, а чёрное осеннее небо медленно готовилось ко сну. Бережно разорвав газету, она положила куклу рядом с собой.

— Как тебя назвать? — спросила она фарфоровую красотку. — Элизабет? Может... Аннабель?

— Аннабель. Да, тебя зовут Аннабель. Добро пожаловать в наш дом, — сказала Анна.

Оставив куклу в спальне, она вошла в ванную комнату и включила кран. Она добавила немного шампуня, и вода забурлила, покрываясь белой пеной, похожей на молочный коктейль. Анна лежала в воде, укрытая простынёй из пузырей. В прихожей часы ритмично отстукивали время. Она закрыла глаза.

«Ей казалось, что она плывёт на гигантской рыбе, чешуя которой была покрыта мелкой серебристой крошкой, переливающейся на солнце, как калейдоскоп. Навстречу ей двигались огромные корабли, но рыба была настолько велика, что суда разлетались в стороны, пропуская её вперёд и отдавая почётный гудок вслед. Впереди, посреди моря, маячила одинокая лодка. Рыба замедлила ход и направилась к ней, оставляя за собой мощный пенный след. С высоты её горба Анна разглядела в лодке девушку, сидящую спиной — удивительно похожую на куклу. Анна слезла с рыбы и шагнула в лодку, и девушка резко обернулась. На Анну смотрела Аннабель».

— Что ты здесь делаешь одна посреди моря? — удивлённо спросила Анна.

— Жду, когда ты меня заберёшь, — тихо ответила Аннабель, присев на край лодки. — Но ты немного опоздала, — добавила она и, медленно перешагнув через деревянное сиденье, выпала за борт.

— Не-е-ет! — закричала Анна, вырываясь из кошмара. — Аннабель!

Анна открыла глаза и, выбравшись из ванной, поспешила в спальню. Аннабель по-прежнему лежала на кровати с открытыми глазами. Анна распахнула покрывало и положила куклу рядом с собой.

— Я больше никогда не опоздаю. Обещаю, — прошептала она, сжимая в ладони маленькую фарфоровую ручку куклы.

Глава 8. Метроном надежды

Время близилось к полудню. Небо так и не раздвинуло свои серые шторы, и солнце душно жгло сквозь плотную пелену низких туч. Кемаль вошёл в офис и коротко поприветствовал рабочих. Работа кипела, как раскочегаренный паровоз, уже набравший ход.

Кемалю нравилась эта живая, дышащая атмосфера. На фабрике работало не меньше пятисот человек. Несмотря на финансовые потери последних лет, семейное дело всё ещё оставалось живым организмом, который, цепляясь за жизнь, продолжал двигаться вперёд. Кемаль видел в своих рабочих экипаж, удерживавший семейное судно на плаву, пока другие берега Стамбула медленно уходили под воду.

Когда он наблюдал за этим шумным и слаженным процессом, его охватывало чувство гордости за дело, начатое ещё его дедом. Ему было приятно осознавать, что он продолжает это наследие так же, как многие старые стамбульские семьи, где предприятия передавались из

поколения в поколение, а истории побед и неудач переходили из уст в уста, становясь частью семейной памяти.

В кабинете Кемалья хранилась огромная, тяжёлая книга с благодарственными отзывами сотрудников и клиентов. Раз в месяц он доставал её с полки, открывал и перелистывал пожелтевшие, местами потрёпанные страницы, на которых неровным почерком были выведены слова благодарности. Эта тяжёлая книга была живым доказательством того, что всё, что они делали, имело смысл.

На столе настойчиво вибрировал телефон, повторяя одну и ту же мелодию. Он подошёл ближе и взял аппарат. На дисплее светились три пропущенных вызова от жены. Он глубоко вздохнул, словно перед прыжком в ледяную воду, и нажал кнопку приёма.

— Алло... — произнёс он негромко.

И в этот момент Кемаль отчётливо понял, что ему до боли хотелось услышать голос Анны. Прозвучавший в трубке голос Мелек отзывался в ушах резким коротким замыканием. Вспышка тайной надежды мгновенно сменилась привычным потоком светских сплетен, заставляя его ещё острее почувствовать тотальную фальшь собственного существования.

— Ты уехал и даже меня не разбудил! Я тебе сейчас такое расскажу... — продолжала она безудержно тараторить, не давая мужу вставить ни слова.

Это было абсолютно в духе Мелек — вести разговор самой с собой, в то время как Кемаль молча присутствовал на другом конце линии, даже не пытаясь вступать в диалог. Честно говоря, его совершенно не интересовали светские пересуды, и полоскание чужого белья он всегда считал занятием людей, которым попросту скучно жить собственной жизнью.

Уловив его равнодушие, Мелек разочарованно вздохнула и повесила трубку. Кемаль закрыл жалюзи и направился прочь из здания, не понимая, куда ему податься. Его собственная машина осталась припаркованной возле дома в Нишанташи, но забрать её означало вернуться туда, куда сейчас хотелось меньше всего. Он поймал первое попавшееся такси и рванул прочь из Мертера.

— Куда едем, аби? — спросил водитель, проехав всего пару сотен метров.

— В Сарыер, — неожиданно для самого себя ответил Кемаль.

Машина резко развернулась и, минуя туннель, направилась по шоссе в сторону Истиние. Дорога петляла из стороны в сторону, огибая большие старые деревья по обе стороны проезжей части. В Тарабье возле прибрежной полосы, как обычно, была пробка, но спустя несколько минут автомобиль уже мчался по набережной.

— Остановите здесь, пожалуйста, — сказал Кемаль и вышел из машины.

Он шёл не спеша по набережной, разглядывая рыбацкие лодки, пришвартованные вдоль пирса. Белые чайки, усевшись друг за другом в ряды на мачтах и палубах, грели свои тушки под лучами солнца. Недалеко от берега раскинули свои гигантские рыболовные сети огромные шхуны. Эти сети напоминали Кемалю его собственные обязательства: такие же тяжёлые, опутывающие всё вокруг, но необходимые для того, чтобы жизнь продолжала свой ход. И только птицы, кричащие над добычей, казались ему по-настоящему свободными.

Дойдя почти до маяка, он свернул на другую сторону улицы и отправился к площади, которая располагалась в маленькой бухте. Время близилось к обеду. Город пылал жареным мясом, хлебом и специями, и густые, тёплые ароматы расползались по узким улочкам, цепляясь за стены домов.

Свернув в переулок, Кемаль вошёл в старое заведение, известное на весь район своими пиде. Здесь ничего не менялось десятилетиями: потёртые деревянные столы, выцветшие фотографии на стенах и густой запах теста, пропитанного мясным соком. Заказав хлебную лодочку с жареным мясом и айран, он развернул газету, купленную по дороге в киоске прессы. Бегло пролистав заголовки и скользнув взглядом по новостям, Кемаль быстро потерял к ним интерес и принялся за еду. Когда тарелка опустела, он вышел на улицу и поймал попутную машину.

Устроившись на заднем сиденье, Кемаль снова достал телефон. Имя «Анна» на экране светилось тихим, ровным светом, словно далёкий маяк в густом стамбульском тумане. Ему до боли хотелось набрать её номер: просто услышать этот голос, почувствовать её незримое присутствие, но он панически боялся, что она не ответит или оборвёт его холодной фразой.

За окном вдоль трамвайных путей замелькали знакомые вывески Нишанташи. По иронии судьбы Анна жила почти с ним по соседству. Как будто сама судьба могла позволить себе подобную издевательскую небрежность. Кемаль вышел неподалёку и побрёл дальше пешком.

Ноги нехотя несли его к подъезду. Он и сам не заметил, как провёл больше половины дня, бесцельно скитаясь по Сарыеру. Мелек, вероятнее всего, уже была дома. А если и нет — тем лучше.

Повернув ключ в замке, он обнаружил, что в квартире никого нет. Положив портмоне на комод, Кемаль прошёл на кухню. На столе лежала короткая, небрежная записка от жены: «Сегодня буду поздно».

В комнатах стояла мёртвая, давящая тишина. Она заполняла пространство, безжалостно вытесняя остатки жизни, и Кемаль физически ощущал, как стены особняка, обитые дорогими обоями, медленно сжимаются вокруг него, превращая это роскошное жильё в золочёную гробницу неудавшегося брака.

Он включил телевизор и, достав из серванта хрустальный стакан, налил себе виски. Сделав пару глотков, он почувствовал, как тепло медленно растекается по телу и голова приятно кружится, будто танцуя импровизированный вальс. Кемаль закрыл глаза. Его мысли блуждали по уголкам размякшего сознания и больной души, пока он время от времени разглядывал себя со стороны. Иногда он видел себя изнеможённым стариком с волосами, белыми, как перья у чаек. Иногда — молодым юнцом, смеющимся ветру в лицо. Порой он становился серым камнем, безмолвно кричащим бушующим волнам. Иногда — песком, застилающим рыжую прибрежную полосу. Мысли кружились, замедлялись и таяли под тяжестью сомкнувшихся век, всё глуше унося его прочь от реальности...

Мелек вернулась вечером и обнаружила мужа спящим прямо в гостиной. Она тихо выключила работающий телевизор и бережно накрыла его пледом. Кемаль что-то невнятно бормотал во сне, и она, напрягая слух, попыталась разобрать слова, но они доходили до неё лишь неразборчивыми обрывками.

Она прошла на кухню, налила бокал красного вина и закурила сигарету. В гостиной на столе затрещал телефон. Она вздрогнула и на цыпочках подошла ближе. На дисплее телефона Кемаля светилось одно скрытое сообщение. Её кольнуло любопытство, но где-то глубоко внутри она боялась узнать правду и предпочитала не думать, не видеть и не знать. Ей казалось, что она любит Кемаля, несмотря на противоречивое чувство неуверенности в себе, которое не давало ей покоя и отравляло и без того остывшие отношения. Хотя это была не столько неуверенность, сколько болезненное ощущение, что мир не вращается вокруг неё.

Скинув джинсы и футболку, она легла рядом с Кемалем осторожно, словно боялась спугнуть его сон. Кончиками пальцев она провела по его щетине, едва коснувшись губами шеи. Кемаль пошевелился и повернулся к ней лицом. От его кожи исходил терпкий, сладковатый дубовый аромат парфюма. Он глубоко вздохнул во сне и положил руку ей на плечо.

В воздухе переплелись запахи вина, виски, кожи и её дыхания. Мелек прижалась ещё ближе, жадно целуя его шею и губы, не останавливаясь, не давая ему окончательно проснуться. Её движения были почти безумными, словно она пыталась вытеснить из его сознания любые другие образы, стереть запах чужого ветра. В этом безмолвном танце в темноте Мелек боролась не за него, а за право оставаться главной героиней в его жизни, пусть даже эта роль была лишь призраком прошлого.

Кемаль крепче прижал её к себе, словно возвращаясь из глубины сна в реальность. Её дыхание сбилось, движения стали ритмичными, почти отчаянными. Через несколько минут Мелек обессиленно опустилась на его грудь, уткнувшись лицом в подушку.

Они лежали в абсолютной темноте, не произнося ни слова. Она осторожно сползла с дивана и направилась в ванную. Включив горячую воду, Мелек закрыла глаза и прислонилась лбом к прохладной плитке.

«Может быть, именно в этот раз...» — лихорадочно мелькнула привычная мысль.

После стольких лет совместной жизни желание родить ребёнка не покидало её ни на один день. Судьба будто издевалась над ней, каждый раз оставляя ей лишь томительное ожидание и глухую тишину вместо ответа. Мелек почти научилась жить с этой болью, но упрямая надежда всё ещё теплилась в груди. Она неизменно возвращалась после каждой их близости, заставляя её лихорадочно считать дни и ждать чуда.

Горячая вода стекала по её телу, смывая усталость, остатки хмеля и душное напряжение. Выйдя из душа, она прошла в спальню и, закутавшись в одеяло, почти сразу погрузилась в тяжёлый сон. Ей снились огромные настенные старинные часы с потемневшим от времени деревянным корпусом, которые громко, зловеще и размеренно отбивали ритм в пустом коридоре:

Тик... так... тик... так...

В такт этому маятнику из темноты её кошмара раздался скрипучий голос стрелок:

— Время идёт, Мелек. Поторопись, если всё ещё хочешь сохранить Кемалья.

Глава 9. Отголоски прошлого

На следующее утро, едва проснувшись, Анна первым делом потянулась к телефону. Её внезапное вечернее сообщение Кемалю было доставлено, но ответа не было. Она расстроено смотрела на потухший чёрный дисплей, сожалея о том, что поддалась этому необдуманному порыву. Роль банальной любовницы её никогда не прельщала. И всё же в Кемале крылась та редкая, созидательная энергия, которой ей отчаянно не хватало все эти долгие годы.

С мужчинами у Анны никогда не возникало проблем, если не считать Юсуф-бея. Мысль о нём заставила её резко сесть в постели. Меньше всего ей хотелось сейчас думать о нём, но его незванный визит в Джихангир всё ещё жгёт изнутри, превращаясь в глухую, бессильную ненависть.

«Почему именно я?» — снова и снова задавала себе вопрос Анна.

Вокруг Юсуфа всегда крутилось достаточно женщин — тех, кто с радостной улыбкой разделит бы с ним внушительные банковские счета, роскошные виллы и бесконечные европейские адреса. Но Анна никогда не стремилась к богатству. До переезда в Стамбул она жила с матерью в Париже, и если бы не тот жуткий случай, она никогда бы не встретила Юсуфа.

Однажды, возвращаясь глубокой ночью домой, во дворах неподалёку от базилики Сакре-Кёр к ней подошёл пьяный мужчина и развязно спросил, который час. Казалось бы, обычный уличный вопрос, но Анна мгновенно почувствовала смертельную угрозу. Не успела она ответить, как незнакомец навалился на неё всем телом. В следующую секунду он намертво зажал ей рот грязной ладонью, прижал к каменной стене и грубо рванул подол платья, пытаясь сорвать нижнее бельё.

Анна сопротивлялась из последних сил, но нападавший начал душить её, безжалостно вдавливая в кирпичную кладку. В панике её пальцы нащупали холодный металл в кармане плаща. Каким-то чудом ей удалось вытащить маленький складной ножик, доставшийся в наследство от покойного отца. Когда-то, ещё совсем юной, тот научил её обращаться с лезвием — как с последним шансом на спасение.

— Нож — не игрушка, дочка, — строго говорил он ей тогда. — Ты достанешь его только тогда, когда опасность станет реальной, а позади останется лишь стена.

Слова отца о последнем шансе бешено пульсировали в её мозгу, и Анна со всей силы вонзила острое лезвие незнакомцу в живот. Тот страшный момент не принёс ей облегчения — он лишь запечатлел на её ладонях невидимую кровь, которую она не могла отмыть годами. Она спасла себя, но навсегда потеряла былой покой, став заложницей одного короткого взмаха руки.

Мужчина рухнул на землю, скрючившись от боли и пытаясь вытащить сталь из кровавой раны, а Анна уже бежала прочь по тёмным парижским переулкам, не смея оглянуться.

Через два дня в их квартиру постучалась французская полиция. Несмотря на очевидную самооборону, ни Анна, ни её напуганная мать не обратились в участок сразу, совершив роковую ошибку и не заявив вовремя о попытке изнасилования. Их молчание сыграло против них. С этого момента жизнь Анны начала стремительно трескаться по швам.

Мать с ужасом представляла, что ждёт её дочь в случае обвинительного приговора. Мысль о тюрьме, позорных судах и клейме преступницы лишала её сна и разума. Она лихорадочно металась между страхом и надеждой, поднимая все возможные старые связи в поисках сильного адвоката. И тогда она в полном отчаянии вспомнила о давнем знакомом покойного мужа — влиятельном Юсуф-бее.

Они не виделись много лет, но их связывало общее прошлое и уважение, оставшееся после смерти отца Анны. Времени на сомнения не оставалось, и Юсуф, выслушав сбивчивый рассказ по телефону, согласился помочь. Они встретились в небольшом полумрачном кафе на Монмартре. Анна сидела напротив него, судорожно сжимая чашку обеими руками, словно это могло удержать её от крупной дрожи.

Тогда испуганная женщина ещё не понимала, что, призывая Юсуфа, она добровольно меняет для своей дочери одну тюрьму на другую. Её страх за будущее Анны был настолько велик, что она готова была безоглядно вручить судьбу девочки этому человеку, совершенно не замечая, как тот уже мысленно набрасывает на её шею шёлковую петлю бесконечной благодарности.

Юсуф изучал Анну с пугающей внимательностью искушённого коллекционера, обнаружившего редкий, слегка повреждённый шедевр. В каждой дрожи её тонких пальцев он видел трещину в броне, через которую сможет пустить корни в её жизнь, став её единственным и незаменимым спасителем.

Внезапно возникший интерес адвоката к её дочери казался несчастной женщине благословенным шансом. В этой патовой ситуации покровительство могущественного мужчины выглядело куда более реальной надеждой на спасение, чем статьи уголовного кодекса. Но она ещё не догадывалась, какой именно ценой будет оплачена эта помощь.

На следующий день Юсуф нанёс им официальный визит. В руках у него была изящная коробка дорогого шоколада для матери и роскошный букет белых лилий для Анны. Каждый такой подарок ощущался девушкой как липкая нить прочной паутины. Он не просто ухаживал. Юсуф методично заменял собой весь окружающий воздух, пока пространство квартиры не стало настолько тесным, что Анна начала физически задыхаться от его безупречной, удущающей вежливости. Юсуф был настойчив, словно эти визиты были естественной частью его законных прав.

Однажды, когда тяжёлая дверь за гостем наконец закрылась, Анна не выдержала:

— Почему он приходит так часто? Зачем все эти подарки? — резко спросила она мать.

Та на секунду замаялась, словно подбирая слова, которые давно вынашивала в голове.

— Он искренне заинтересован в тебе, Анна, — тихо произнесла она. — Не как в подзащитной. Как в женщине.

Анна посмотрела на неё с недоумением, смешанным с нарастающим гневом.

— Что значит «заинтересован»? — взорвалась она. — Он наш адвокат! Мы можем просто заплатить ему гонорар, и на этом всё должно закончиться раз и навсегда!

Мать медленно подняла на неё полные тоски глаза.

— Мы не можем, Анна, — отрезала она. — Те деньги, которые Юсуф выложил судьям, мы не заработаем и за десять лет. Речь идёт о твоей свободе. О твоей жизни.

Скларивавшиеся слова матери повисли в душном воздухе тяжёлым свинцом. Анну захлестнуло отчаяние. Нет, она не испытывала к Юсуфу открытой ненависти, но представить себя его женой она не могла. Весь его мир был выстроен из циничных договорённостей, теневого влияния и тотального контроля, а Анна ещё даже не успела по-настоящему пожить. Мысль о замужестве никогда не занимала в её планах важного места, тем более — о браке, заключённом из чувства страха.

Анна была в ужасе: ещё никогда в жизни она не чувствовала себя дорогой вещью, которую можно обменять и использовать как плату за безопасность. Сделка была заключена почти без слов. Мать пообещала Юсуфу благословить их брак в обмен на его влияние и закрытие дела. Юсуф не настаивал, не торопил и ничего не требовал. Он просто принял это как факт, как естественный ход событий. А через несколько месяцев, всего за три дня до назначенной свадьбы, Анна, собрав один чемодан, без объяснений исчезла из Парижа, оставив лишь короткую записку с просьбой её не искать.

Юсуф, узнав об этом, рвал и метал. Он поднял все свои европейские связи, проверял вокзалы, больницы, отели, но Анна испарилась так, будто её никогда не существовало. Однако время играло против неё недолго. Спустя три года, перелистывая в Париже свежую прессу, Юсуф случайно наткнулся на небольшую заметку среди культурных новостей. Речь шла о новой постановке в кадикёйском театре. Его взгляд скользил по строчкам абсолютно равнодушно, пока внимание не приковала одна женщина в центре коллективной фотографии. Это была Анна.

Юсуф вылетел в Стамбул первым же рейсом. Несколько недель он тайно наблюдал за ней, изучая её новые маршруты. Он не приближался, выжидая идеальный момент. Его последующее знакомство с Февзи казалось чистой случайностью — по крайней мере, так это выглядело со стороны. Юсуф-бея рекомендовали Февзи как надёжного и весомого человека, способного решать деликатные вопросы. Анна не догадывалась, что роковое кольцо замкнётся именно здесь, на берегах Босфора.

В тот вечер, когда она вдохновенно играла на рояле на яхте, она не могла даже представить, что среди гостей находится человек, для которого её побег стал главным личным поражением в жизни. В тот вечер судьба познакомила Анну не только с Кемалем — она безжалостно вытолкнула её обратно в прошлое. За эти годы разлуки Юсуф стал ещё богаче, ещё влиятельнее и, что было самым страшным, — ещё одержимее.

После вечеринки Анна хотела немедленно покинуть корабль, но Юсуф жёстко настоял, чтобы они уехали вместе. Она понимала: любой публичный скандал привлечёт к ней ненужное внимание, а это последнее, чего ей хотелось в чужой стране. В машине Юсуф требовал, обвинял, а чаще — глухо угрожал. Он напоминал о долге прошлого, о её матери и о сделке, которую Анна так вероломно нарушила. После стольких лет свободы в его глазах горел огонь, который пах вовсе не любовью, а опасной манией.

Анна сварила кофе и вышла на балкон. Небо за перилами было выкрашено в серо-сиреневый оттенок, ещё не определившийся между скорым дождём и робким солнцем. Белоснежные чайки пересекали его широкими дугами, будто чертили невидимые маршруты над старым городом.

Как красиво быть птицей... Можно просто взмыть в вышину и улететь туда, куда глаза глядят, — тоскливо подумала она, провожая взглядом сильные крылья.

Её мысли резко прервал звонок телефона. Анна замерла на месте, словно решая: стоит ли вообще отвечать. Наконец она решительно сняла трубку.

— Анна! Привет! — донёлся из динамика голос Кемалья. — Извини, я вчера чертовски устал, рано заснул и не смог вовремя ответить на твоё вечернее сообщение. Вот, решил набрать с утра. Надеюсь, я тебя не отвлекаю?

— Вчера у меня было странное настроение, — призналась она после короткой паузы. — Просто хотелось с кем-то поговорить.

— Понятно... — в голосе Кемалья промелькнула едва заметная тень разочарования. — А я, признаться, наивно подумал, что ты хотела поговорить именно со мной.

— Конечно же с тобой! — поспешно, пугаясь собственной резкости, исправилась она.

— Тогда давай увидимся сегодня, — с воодушевлением предложил Кемаль.

Анна уже открыла дверцу гардероба, бегло пробегая взглядом по вешалкам. Всего несколько минут назад она чувствовала себя загнанной в глухой угол, но теперь, перебирая платья, она физически ощущала, как липкий страх перед адвокатом отступает, уступая место предвкушению счастья.

— Хорошо, — улыбнулась она. — Я только проснулась, мне нужно немного времени, чтобы привести себя в порядок. Давай встретимся где-нибудь в Джихангире.

— Договорились. Через час буду на месте, — подытожил Кемаль.

— До встречи, — тихо сказала Анна и опустила трубку на рычаг.

Глава 10. Двенадцать ударов полночи

Время летело быстрее ветра, и у неё был ровно час на сборы. Анна вымыла волосы и, завернув их в белое полотенце, уселась в спальне перед зеркалом. Сделав лёгкий макияж, она сняла полотенце с головы и вытерла влажные пряди. В ту секунду раздался звонок. Это был Юсуф. Всего мгновение назад Анна любовалась золотистым светом на своей коже, но имя на экране превратило этот свет в мёртвую извесь.

«Чтобы он сквозь землю провалился! Надоел! Сил нет!» — раздражённо подумала она.

Анна швырнула телефон на диван, который глухо упал на подушку и затих. Примерив пару вещей, она остановилась на футболке в синюю полоску. Волосы почти высохли, но она всё же достала фен и быстро прошла тёплым воздухом по всей длине. Бросив взгляд на часы, она накинула шляпу и вышла из дома.

Машина Кемалья ждала прямо у бордюра. Анна ускорила шаг и плавно скользнула на переднее сиденье.

— Привет! Может, уедем сегодня подальше от Стамбула? — спросил он, нежно коснувшись её щеки губами.

— Сегодня я совершенно свободна, — улыбнулась она. — Наш театр закрыли на пару недель, да и индивидуальных занятий со студентами пока не предвидится.

— Отлично! Тогда едем в Шиле, — заметно оживился Кемаль.

Меньше чем через двадцать минут старый Mercedes стремительно проносился над проливом между стальными опорами моста Мучеников 15 Июля. Анна молча рассматривала открывшийся вид. Дорога в Шиле уходила сквозь прохладные холмы, покрытые густой зеленью, по крутым ступеням которых хаотично карабкались жилые кварталы. Кемаль включил радио и, приоткрыв окно, закурил. Он украдкой наблюдал за ней, стараясь не выдать своего взгляда, и ловил тонкий аромат её волос, смешанный с запахом дороги и табака.

Вскоре они свернули с основной магистрали, и автомобиль въехал в небольшой прибрежный городок. Стоило им миновать центральную улицу, как впереди показались величественные руины средневекового генуэзского замка, расположенного на скалистом островке. Проехав мимо ресторанов и кафе, Кемаль оставил машину на стоянке у подножия высокой каменной стены.

В бухте покачивались рыбацкие и прогулочные катера, сталкиваясь бортами и негромко постанывая на волнах. Несмотря на остатки жары, в Шиле дул сильный ветер с Чёрного моря,

вздымая волны выше человеческого роста. Они поднялись по узкой железной лестнице на каменный пирс, ведущий к морскому маяку.

Тёмные волны с яростью обрушивались на огромные валуны парапета. При каждом ударе солёные брызги взлетали на несколько метров вверх и с грохотом рассыпались миллионом искр о гранитный бордюр. Внезапно Анна рванула к самому подножию белоснежной башни и устроилась на выступе. Кемаль молча присел рядом.

Они сидели и молчали, слушая глухое дыхание Чёрного моря и нетерпеливое ворчание камней. Кемалю вдруг вспомнилось детство, когда он с родителями приезжал в Шиле на выходные. Мама готовила огромную кастрюлю долмы, и они ели её с холодным йогуртом, запивая свежим айраном. Мама всегда повторяла, чтобы он не заходил глубоко в воду из-за сильного течения, но тогда он не воспринимал её слова всерьёз — до того дня, пока пятилетнюю девочку не утащили чёрные волны. Он до сих пор помнил крики и отчаянные лица родителей и тишину, наступившую потом, когда спустя час спасатели вытащили тело.

Запах моря теперь мешался в его памяти с ароматом маминой долмы и ледяным холодом страха. Анна повернулась к нему, поймав задумчивый взгляд, и осторожно положила голову ему на плечо. Он вдохнул её запах. Никогда ещё женщина не пахла для него так чисто и одновременно тревожно. В Анне было что-то от ребёнка и что-то от женщины, чьё присутствие отзывалось в теле глухим током от кончиков пальцев до затылка. Этот запах сводил его с ума, разгоняя кровь по телу одним лишь её присутствием рядом. Кемаль не верил в реальность своего счастья — что может так сидеть, касаться её руки и чувствовать её дыхание.

— Пойдём, здесь слишком ветрено, — сказала она, плавно поднимаясь с бетонного настила.

Они сели в тёплый салон. Анна отодвинула кресло и опустила спинку назад, прикрыв глаза. Глядя на неё, Кемаль чувствовал, как внутри тугой пружиной нарастает сладкое напряжение, с которым он был не в силах справиться. Анна открыла глаза, мгновенно уловив его пристальный взор. Кемаль осторожно взял её ладонь и поднёс к своим губам. Он медленно целовал её тонкие пальцы, вдыхая едва уловимый аромат кожи. Анна мягко, но настойчиво отстранилась, послушно высвободив руку из его ладоней.

Кемаль откинулся на спинку сиденья. В последние дни он чувствовал себя слишком уязвимым. Больше всего он боялся, что эта призрачная, едва зародившаяся близость может исчезнуть в одно мгновение, как мыльный пузырь, не оставив после себя ничего, кроме горького воспоминания. Анна, словно почувствовав его замешательство, сама повернулась к нему и мягко перехватила его пальцы.

— Кемаль... Я знаю, что чувствуем мы оба, — негромко, без тени упрёка произнесла она. — Мы и так позволили себе гораздо больше, чем должны были. Но у нас нет совместного будущего. По крайней мере, пока ты женат...

Кемаль мог бы сказать, что готов развестись. Эти слова уже поднимались к горлу, но он промолчал. А ведь правда была куда сложнее — его брак давно утратил срок годности. Мелек была хорошей любовницей — этого он не отрицал, но раны, которые она ему нанесла, невозможно было залечить одними поцелуями. Анна молчала, словно читая эту внутреннюю борьбу по его глазам.

— Давай доедем до Бейкоза или Ченгелькёя, — нарушив затянувшуюся тишину, предложила она.

— Конечно. Как ты пожелаешь, — улыбнулся Кемаль, легко кивая.

Ему было совершенно не важно, куда ехать — в Ченгелькёй, в Анадолу Кавайы или хоть на край света, лишь бы этот путь продолжался. Даже мысли о Мелек рядом с Анной теряли свой вес, превращаясь в далёкий фон, не способный испортить этот день. Но в самом тесном углу его сознания всё же шевелилась совесть. К счастью, этот угол был настолько крошечным,

что попытки укорить себя за измену не имели никакой власти над тем, что он чувствовал. Да и чувствовать вину ему не хотелось.

За последние десять лет он мог не раз уйти от Мелек, но он оставался, пытаясь сохранить стены их отношений, которые давно разошлись по швам, а трещины с каждым годом всё быстрее превращались в зияющие дыры. Обвал был неизбежен, и вопрос оставался лишь во времени. И Анна стала толчком, похожим на землетрясение, но если дом изначально построен на слабом фундаменте, винить стихию бессмысленно.

Они миновали багряный фасад ялы Садулла-паши — старинного особняка с печальной легендой о верной вдове, которая двадцать лет безутешно ждала своего казнённого мужа на старой пристани. В Ченгелькёе, среди колоритных лавок с пряными травами, Анна сразу приметилла деревянную тележку уличного торговца.

— Может, возьмём горячих симитов и зайдём в чайную? — предложила она.

Кемаль протянул продавцу монеты и принял из его рук хрустящие кунжутные кольца. Они направились в знаменитую старинную чайную Tarihi Çınaraltı под сенью векового платана. Кемаль искренне любил это место, несмотря на вечную суету.

Время медленно клонилось к вечеру. Синие волны лениво полоскали свои белые пенные перья в золотистых лучах закатного солнца. Они шли сквозь толпу, не торопясь и просто держась за руки. Выйдя к маленькой площади, Кемаль сделал шаг вперёд, почти решившись наконец поцеловать её, но Анна изящно уклонилась, словно заранее зная его намерение.

В этот глубокий момент в кармане Кемаль резко зазвонил мобильный. Это была Мелек. Анна сразу уловила его мгновенное замешательство.

— Ответь, — спокойно и отрешённо произнесла она.

Кемаль нажал кнопку. Анна деликатно отошла к самому краю парапета, давая ему личное пространство и подчёркивая, что этот разговор её никак не касается.

— Где тебя черти носят? — визгливый голос жены безжалостно резанул слух. — Ты целый день молчишь, как будто умер!

Кемаль вдруг поймал себя на мысли, что Мелек удивительно точно описала его состояние. Наверное, когда человек умирает, он попадает в чистилище — туда, где больше нет земной тяжести, где всё наполнено звенящим покоем и лёгкостью. Если это так, то в эту минуту он действительно чувствовал себя абсолютно мёртвым для своего прежнего мира, но странным образом счастливым. Эта мысль пронеслась в его голове, пока Мелек продолжала что-то яростно выкрикивать в трубку, совершенно не выбирая выражений.

— Если со мной что-то случится, ты ведь даже не узнаешь! — вырвалась из её монолога дежурная, знакомая до боли фраза.

— А почему со мной обязательно должно что-то случиться? — неожиданно для самого себя холодно перебил её Кемаль.

— Да потому что тебе плевать, что со мной происходит! — обиженно выкрикнула Мелек и резко бросила трубку.

Он медленно опустил руку с аппаратом. Привычные манипуляции жены больше не вызывали в его груди спазма вины. Его действительно ни капли не интересовало её дневное расписание, которое он и так знал наизусть: утро — сплетни по телефону, день — спа-салон в Бейоглу, evening — дорогие бутики в Нишанташи. Годы шли, а в её жизни не менялось ровным счётом ничего.

Иногда Кемаль вспоминал их студенческие годы, когда они говорили о будущем, строили планы и горели идеями, веря, что жизнь будет чем-то большим. Но после свадьбы Мелек словно исчезла, уступив место другой женщине — холодной, поверхностной и совершенно ему незнакомой. Он до сих пор не мог ответить себе на вопрос: как можно так сильно измениться за столь короткое время? Или, возможно, он был просто слеп и никогда не знал настоящую Мелек.

Шум его мыслей смешался с гулом улицы, и он даже не заметил, в какой момент разговор оборвался. Кемаль развернулся в сторону площади, куда, как ему показалось, направилась Анна, но её там не было. От неожиданности он ускорил шаг, окинул взглядом улицу, но её не было нигде. Он почувствовал, как внутри всё резко оборвалось. В отчаянии он схватил телефон, собираясь набрать её номер, как вдруг чьи-то мягкие маленькие ладони закрыли ему глаза.

— Сюрприз, — раздался за спиной её тихий смех.

Кемаль резко развернулся, рванул Анну к себе и жадно, до боли приник к её губам. Ещё мгновение назад ему казалось, что он навсегда её потерял, и эта страшная мысль едва не свела его с ума.

— Кемаль, — шутливо упрекнула она, с трудом отстранившись. — Мы же в самом центре людной площади.

— Плевать, — выдохнул он, почти не слыша собственного голоса. — Мы в центре прекрасного мира, в котором есть только ты.

Анна посмотрела ему в глаза, слегка прикусив губу.

На Ченгелькёй стремительно опускалась ночь. Одно лишь упоминание о том, что им придётся расстаться, приводило Кемаль в бешенство.

— Думаю, тебе уже пора возвращаться домой, — внимательно посмотрев на него, тихо произнесла Анна.

— Я могу не ехать туда, — ответил Кемаль, отчаянно убеждая самого себя в этой лжи.

Анна удивлённо вскинула брови. В её глазах мелькнули десятки немых вопросов. Кемаль понимал: ему следовало бы прямо сейчас рассказать ей всю правду о своём неудавшемся браке, но он панически боялся, что она не поверит. Боялся, что Анна решит, будто он просто ищет дешёвый повод, чтобы затащить её в постель. Он твёрдо решил, что обязательно откроется ей, но только не сегодня.

— Ну... если ты действительно не торопишься, давай погуляем в парке Мачка? — предложила она.

Её голос прозвучал легко, почти невзначай. Но для Кемаль эти слова стали спасительным продолжением их опасного вечера.

— Поехали, — ответил он быстро, разворачивая Mercedes в сторону Бешикташа.

В сквере уже зажглись ночные фонари. Анна шла неспешно, крепко взяв Кемаль под руку и с интересом разглядывая витрины дорогих магазинов на подходе к аллеям.

— Хочешь, зайдём? Мне безумно хочется сделать тебе какой-нибудь подарок, — предложил он, кивнув на светящуюся вывеску.

— Нет, давай просто прогуляемся здесь, — мягко отказалась Анна, слегка ускоряя шаг. Он шагнул вперёд, преграждая ей путь.

— Кемаль, прекрати, — сказала она строго, но в глазах её не было прежней злости. — Я не нуждаюсь в дорогих подарках.

Кемаль молча взял её за руку. Он шёл рядом с этой удивительной иностранкой и думал о том, что впервые в жизни встречает женщину, которая абсолютно спокойно отказывается от Chanel или Dior.

Они медленно побрели вниз через тенистые аллеи. Вдоль дороги тянулась вереница маленьких уютных заведений с видом на курсирующие по Босфору теплоходы.

— Выпьем чаю? — спросил Кемаль, отчаянно пытаясь отложить неизбежный момент расставания.

Они зашли в первое кафе и заказали чай. Окинув взглядом интерьер, Кемаль внезапно мысленно перенёсся больше чем на десять лет назад — в начало своих отношений с Мелек. Стены этого маленького кафе были увешаны старыми фотографиями известных теннисистов и винтажными деревянными ракетками. Этот антураж неприятно кольнул память. Он вспомнил

их встречу здесь, тот момент, когда впервые взял в руки ракетку лишь ради того, чтобы увидеть её. Анна, уловив его рассеянный блуждающий взгляд, внимательно посмотрела на него.

— Всё хорошо? — спросила она мягко. — Если тебе здесь не нравится, мы можем пойти в другое кафе.

— Нет-нет, всё отлично, — поспешно ответил Кемаль. — Здесь очень необычный интерьер. Я просто засмотрелся на ракетки.

Они устроились за небольшим столом, вырезанным из цельного куска дерева. Рядом стояли коричневые кресла, обитые грубым текстилем, и плетёная корзина, наполненная старыми, выдавшими жизнь теннисными ракетками. Анна наклонилась и достала одну из них — потрёпанную, с выцветшим логотипом Wilson.

— Ты умеешь играть в теннис? — спросила она.

— Когда-то играл, — ответил Кемаль уклончиво. — Но совсем недолго.

— А я никогда не пробовала. Может, как-нибудь сыграем? Ты меня научишь, — сказала она, хитро прищурив один глаз.

— Из меня плохой тренер, да и, если честно, я уже всё забыл, — сказал, усмехнувшись, Кемаль.

Рассчитавшись с официантом, они покинули заведение и направились к дому Анны.

Стоя возле подъезда, она достала ключи и открыла стеклянную дверь с ажурной чёрной решёткой.

— Хочешь кофе? Я могу... — начала она как будто между делом.

— Да! Конечно! — выпалил Кемаль, не дав ей договорить.

Анна рассмеялась — слишком ясно в его ответе читалось желание остаться ещё хоть немного.

Поднявшись на четвёртый этаж по крутой винтовой лестнице, она отперла ключом тёмно-зелёную дверь. Кемаль впервые оказался в её квартире. Первое, что сразу приковало его взгляд в полумраке прихожей, — старый виниловый проигрыватель, одиноко стоящий на маленьком столике у окна в гостиной. Он выглядел не просто предметом интерьера, а частью чьей-то глубокой личной истории, которую здесь бережно хранили.

— Проходи в гостиную, обувь можно не снимать. Я пока займусь кофе, — улыбнулась Анна.

Пока она расстёгивала тонкие ремешки босоножек, ловко балансируя на одной ноге, Кемаль прошёл в комнату. Пространство было небольшим, но удивительно светлым и чистым. Белые стены создавать ощущение абсолютного покоя, а мягкие подушки, свечи и плотные шторы добавляли интерьеру характер. Кемаль опустился на диван и рассеянно взял в руки раскрытый журнал, лежавший на столе.

— У тебя очень уютно, — крикнул он в сторону кухни.

— Да, мне тоже здесь нравится, — отозвалась Анна, неся на подносе две чашки.

— У меня совсем нет никаких десертов... кроме домашнего апельсинового джема, — добавила она с лёгким беспокойством.

— Не стоит переживать, — Кемаль поднял на неё глаза. — Самый лучший десерт для меня — это возможность просто сидеть здесь с тобой.

Она посмотрела на него нарочито строго, но в глубине серых глаз уже плясали весёлые смешинки. Они устроились на мягком диване, в который хочется провалиться с головой, навсегда позабыв обо всём остальном мире. Часы на стене показывали почти одиннадцать вечера. Анна одна за другой зажгла свечи, и по комнате разлился мягкий, тёплый полумрак. Кемаль поднялся, подошёл к старому проигрывателю и аккуратно опустил иглу на крутящуюся пластинку.

Пространство наполнила тягучая французская музыка — зазвучал бархатный голос Мирей Матьё. Кемаль подошёл к Анне и, не говоря ни слова, протянул ей руку. Анна поднялась и доверчиво положила ладонь ему на плечо.

Кемаль вдруг поймал себя на мысли, что уже не помнит, когда в последний раз танцевал вот так — искренне и по-настоящему. Он обнял её за тонкую талию, и от этой внезапной близости у него закружилась голова. Он находился настолько близко, что чувствовал, как по его венам одна за другой перекачиваются волны горячего, тревожного тока. Кемаль уткнулся лицом в её шею, чувствуя, что сердце сейчас вырвется из груди.

Далеко за окном ночную тишину Джихангира разрезал пронзительный вой полицейской сирены. Этот звук почему-то показался ему далёким голосом совести, тщетно пытающимся пробиться сквозь плотную пелену его любовного безумия. Он бережно провёл рукой по её русым волосам, отводя их в сторону и полностью обнажая шею. Анна слегка отвернула голову, словно пытаясь спрятаться от нахлынувшего наваждения, но Кемаль уже жадно целовал её кожу, линию ключиц, случайно зацепившись губами за серебряный медальон на тонкой цепочке. Кемаль осторожно взял её за подбородок и повернул к себе. Их губы встретились в долгом, сокрушительном поцелуе.

— Я люблю тебя, — прошептал он, глядя в её серые глаза, которые в полумраке свечей мерцали, как два тёплых топаза. — Слышишь меня? Люблю больше жизни.

— Кемаль... — Анна попыталась что-то возразить, но дыхание её перехватило.

— Ничего не говори, — тихо перебил он, касаясь пальцами её губ. — Что бы ты сейчас ни сказала, это уже не изменит того, что я чувствую. Моё сердце бьётся только для тебя. Где бы я ни был, оно всегда будет твоим.

За спиной на стене часы размеренно пробили двенадцать раз. Это была самая счастливая полночь в жизни Кемалья за последние десять лет — день, который он завершил в объятиях женщины, которую, казалось, любил в своих тайных мечтах задолго до того, как узнал её имя.

Глава 11. Вакцина от печали

Прошло больше месяца со дня знакомства Кемалья с Анной. Они виделись через день, и его жизнь постепенно наполнялась яркими красками — словно кто-то заново настроил свет и контраст. Анна стала более свободной в движениях, но всё же между ними по-прежнему не было настоящей физической близости. Иногда Кемаль невольно вспоминал свои первые свидания с Мелек: тогда всё произошло стремительно. Уже через пару недель после той неловкой партии в теннис они проводили ночи вместе в старом доме её бабушки неподалёку от Кузгунджука.

Мелек никогда не была застенчивой. Репутация мало её волновала, а деньги, как она всегда считала, способны решить абсолютно любой вопрос. Даже в таком щекотливом моменте, как близость до брака, она не видела никакой проблемы. Несколько лет, проведённых в американской школе, окончательно сформировали её взгляд на жизнь — далёкий от местных строгих правил. Мелек была продуктом западного прагматизма, бережно обёрнутого в турецкое золото.

Анна была совершенно другой. Несмотря на славянские корни и годы, прожитые в Париже, в ней отчётливо ощущалась глубокая внутренняя сдержанность. Она была куда более консервативна, чем Мелек, и это казалось Кемалю изысканным, редким блюдом, которое он отчаянно боялся испортить излишней поспешностью. После десятилетий «быстрых побед», которыми так славился его привычный круг в Нишанташи, благородная медлительность Анны казалась ему высшим проявлением подлинного аристократизма.

Кемаль собирался в цех, но мысли об Анне снова заставили его задержаться в кабинете. В последнее время его то и дело накрывала жгучая волна внезапной ревности к воображаемым поклонникам, которых он упрямо рисовал в своём сознании. Кемаль не знал, кто этот чело-

век, но остро чувствовал его присутствие по тому, как менялось лицо Анны после телефонных звонков, на которые она никогда не отвечала. На его осторожные расспросы она всегда находила логичные объяснения, и всё же он догадывался, что правда была куда сложнее. Да и сам Кемаль прекрасно понимал, что не имеет никакого права требовать отчёта. В конце концов, он всё ещё был женат.

С момента их знакомства Анна несколько раз в самые неожиданные моменты предлагала расстаться. Но с каждым разом эти слова звучали из её уст всё менее убедительно. Они привязывались друг к другу всё сильнее, и Анну это откровенно пугало. Она не верила в его грядущий развод, и Кемаль это прекрасно чувствовал.

Он решил, что пришло время для решительного разговора с Мелек, тем более что в последнее время жена стала вдруг непривычно покладистой. Это настораживало его куда больше, чем прежние громкие скандалы. Порой Кемалю казалось, что она всё видит и всё знает, и именно поэтому выбрала такую тактику — словно сознательно приносила себя в жертву во имя их союза или того, что от него ещё осталось.

Ещё одним серьёзным препятствием на пути к разводу был отец. Он и слышать не хотел о разводе, не говоря уже о Февзи, с которым отношения Кемалья вряд ли смогли бы остаться прежними. Кемаль ясно осознавал, что в своих переживаниях он вряд ли найдёт поддержку среди друзей. В их компании его жена была любимицей публики, и было очевидно, что он быстро утратит свой статус среди элиты стамбульского высшего общества. Впрочем, это волновало его меньше всего.

Он никогда не стремился ни к первым полосам газет, ни к признанию со стороны «жирных сливок» светского мира, но его тревога была не беспочвенной. На кону стоял семейный бизнес. С приходом инвестиций семьи Мелек дело наконец снова пошло в рост. И Кемаль прекрасно понимал: отец никогда не примет его решение о разводе, даже несмотря на то, что сам учил его быть независимым и гордым.

Тогда отец казался ему человеком с непоколебимыми принципами, но с появлением в их жизни семьи Йылдыз взгляды отца незаметно начали меняться. Возможно, ему было непросто принять решение о партнёрских отношениях. Он никогда не показывал сомнений, никогда не говорил об этом вслух. Десять лет назад Кемаль был мало вовлечён в финансовые дела компании. Он не думал о будущем бизнеса и уж точно не планировал развод. Но с годами пришло осознание: он был не просто мужем Мелек — он стал заложником бизнес-отношений. И Мелек никогда не упускала случая напомнить ему об этом во время каждой очередной ссоры, точно зная, куда бить. Кемаль никогда не строил из себя жертву, он просто пытался её любить до того самого дня, когда Мелек окончательно превратила в пепел его любовь и уважение.

Единственным человеком, кто всегда понимал его и поддерживал без всяких предварительных условий, была покойная мама. Ах, мама... Как же её сейчас не хватало. Только она обнимала его тогда, когда это было по-настоящему необходимо. Только она вселяла в него уверенность и тихую надежду. Только она... Как же больно было осознавать, что её больше нет рядом.

Кемаль вытер тыльной стороной ладони слёзы, проступившие на глазах, плотно захлопнул дверь кабинета и вышел на улицу. На дворе стоял последний день сентября. Он сел в автомобиль и повернул ключ зажигания. На соседнем сиденье беззвучно задремал мобильный. Это был Февзи.

— Привет, дружище! — раздался в динамике его бодрый голос. — Я планирую вечеринку в следующую субботу. Буду рад видеть вас с Мелек! Будет много шампанского, красивых женщин и сюрприз от меня!

«Последним его сюрпризом была Анна. Что может быть ещё оригинальнее...» — горько мелькнуло в голове у Кемалья.

— Привет, брат. У меня в субботу кое-какие дела, но, думаю, смогу заскочить ненадолго, — ответил он.

Кемаль ещё несколько минут сидел в машине, не двигаясь с места. На грани лета и зимы этот мегаполис становился особенно прекрасным. В короткое мгновение он обострял все детали, раскрашивая их мазками в пёстрые тона. Кемаль любил этот город до дрожи в руках, до щемящей боли под ложечкой, до изнуряющей тоски, окутывающей его разбитое сердце. Здесь можно было погрузить свои тяжёлые мысли в глубокие воды Босфора и, почти утонув, позвать его на помощь. Такой родной, с тысячами чужих душ, и всё же — его глубоко одинокий Стамбул.

Он закрыл окно и выехал на дорогу. Какие бы гигантские пробки ни стелились по улицам цветными коврами из машин, они не могли омрачить его красоты. Даже стамбульский трафик дышал в такт сердцу этого места.

Мелек тем временем спешила на встречу с Айше в Нишанташи. Она всегда считала, что ей необыкновенно повезло с подругой. Айше была той женщиной, которую Мелек с лёгким сердцем хотела бы видеть рядом со своим влиятельным братом. Рождённая в простой семье учителей, Айше выросла образованной, умной и удивительно сдержанной — совсем не избалованной, в отличие от самой Мелек.

Половина её детства прошла в Эдирне, а в тринадцать лет она вместе с родителями переехала в Стамбул. Её отец долгое время преподавал в университете Тракия, а позже получил заманчивое предложение занять солидную должность на экономическом факультете Стамбульского университета. Этот переезд стал для их скромной семьи началом новой, более сложной, но и более насыщенной жизни.

Мелек подошла к дверям кафе и прошла внутрь прохладного зала. Окинув быстрым взглядом столики, она почти сразу заметила подругу. Глядя на неё, Мелек почувствовала едва уловимый, болезненный укол зависти. У этой девушки из профессорской семьи была редкая способность, которую сама Мелек давно и безнадежно утратила: умение быть по-настоящему счастливой в моменте, без оглядки на чужое мнение и социальные фильтры элиты.

Айше сидела у большого окна, медленно потягивая клубничный лимонад через трубочку.

— Дорогая, я так рада тебя видеть! — непритворно воскликнула Мелек и, бросившись к ней, крепко сжала в объятиях.

— Судя по всему, у тебя сегодня отличное настроение, — заметила Айше.

— Ох, джаным, — тяжело вздохнула Мелек, присаживаясь напротив. — Это всего лишь привычная маска с вечной улыбкой. На душе у меня совсем не радостно.

— Ну давай, рассказывай! — нетерпеливо подтолкнула её Айше.

— Мне кажется, у Кемалья кто-то есть! В последнее время он совсем отдалился, будто мы просто существуем в одной квартире, — выпалила Мелек, придавая своим словам театральную печаль.

— Подожди, — остановила её Айше. — Почему ты так решила? Вы столько лет вместе, и я никогда раньше не слышала от тебя подобных подозрений!

— Я просто чувствую. Он слишком изменился. Полон сил, постоянно улыбается, словно у него вдруг открылось второе дыхание. Это может означать только одно: он без памяти влюбился, — выпалила она с язвительной усмешкой.

— И что ты собираешься делать? Нужно узнать, кто она. И самый простой способ — это нанять частного детектива, — резонно заметила Айше.

— Ох, джаным... если бы это так просто решало проблему. Я подумаю. Но у меня к тебе огромная просьба, — она пристально посмотрела подруге прямо в глаза. — Никто не должен знать об этом разговоре. Даже Февзи!

— Конечно, — уверенно кивнула Айше. — Можешь даже не сомневаться во мне. Может, пройдемся по магазинам? Сейчас хорошие скидки, и новые осенние коллекции.

— Да, давай выберем что-нибудь, — без особого энтузиазма согласилась Мелек. — Я всё ещё остаюсь одной из тех женщин, которым идеально сидящее новое платье может принести гораздо больше радости, чем плохо лежащий рядом собственный муж.

— Вот за это я тебя и люблю! Твоё чувство юмора не зависит ни от погоды, ни от кризисов с мужьями, — рассмеялась Айше, доедая лакомство.

Мелек бросила быстрый взгляд на свои новые наручные часы. До закрытия бутиков оставалось меньше трёх часов. Они вышли из прохладного зала на улицу, где вечерний Нишанташи медленно погружался в густые золотистые сумерки. Мелек шла под руку с подругой и чувствовала, что эта «золотая осень» может стать для её брака самой холодной и разрушительной зимой.

Глава 12. Kış Gülü — Зимняя роза

Закат догорал багряной нитью, вспыхивая на витражах мечети Ортакей. Проходя мимо пёстрых ковров, развешанных у старых ворот, Кемаль подумал, что его жизнь соткана из таких же противоречивых, путаных нитей. Миновав лабиринт сувенирных лавок, он вышел к парковке и вскоре безнадежно застрял в вязкой пробке. Он ехал, всё глуше погружаясь в мысли об Анне. В конце концов он набрал её номер, и после длительных гудков в трубке наконец ожил знакомый голос:

— Какие планы на вечер? — спросил он непринуждённо.

— Ничего грандиозного, — ответила она. — Разве что кофе или чай... ну, или бокальчик сухого вина на балконе.

— Отличный план. Искренне завидую тому, кто окажется сегодня рядом с тобой, — добавил он, уже не скрывая робкой надежды.

— Ха-ха-ха, — негромко рассмеялась Анна. — Ну, если ты сейчас свободен, то почему бы и нет?

Кемаль невольно улыбнулся, чувствуя, как внутри всё резко и сладостно потеплело.

— Скоро буду, — воодушевлённо выдохнул он и отключил телефон.

На чёрном стамбульском небе ярко сияли звёзды, словно улыбаясь его мыслям. Кемалю казалось, что само его счастье разлилось в ночном воздухе тонким ароматом ванили и муската — как невидимое покрывало, сотканное из страсти и одурманивающего разум желания. Он оставил машину у бордюра, быстрым шагом миновал тёмную улицу и вскоре уже стоял у заветной двери её подъезда в Джихангире.

— Добро пожаловать, — сказала она, открывая дверь.

Кемаль нежно поцеловал её в щёку и прошёл в гостиную. Вместо привычной люстры комнату освещали лишь толстые свечи: красные языки пламени тянулись длинными лентами вверх, таинственно отражаясь в стекле серванта.

— Как здесь романтично и красиво, — заметил он, глядя в окно на потемневшее небо.

— Я погасила свет на тот случай, если балкон окажется не самым удачным местом для пикника. Тогда свечи смогут заменить звёздное небо, — добавила она задумчиво, стараясь звучать серьёзно.

— Сияние ярких звёзд может заменить лишь сияние твоих голубых глаз, — сказал Кемаль, подмигнув ей.

— Ах, ну да... сияние звёзд, — с лёгкой ехидцей повторила Анна, явно не оценив его искренность.

Она довольно часто относилась к его комплиентам с подчёркнутым недоверием, словно нарочно давая понять, что воспринимает подобные слова скептически и без особого энтузиазма. Иногда её внезапная реакция выглядела как насмешка и ставила Кемаль в тупик. Ему встречались женщины, способные часами впитывать комплименты, словно пересохшая июльская земля, но Анна была другой и казалась настоящей загадкой. Она не любила сладость речей

и чаще всего уходила от них, переводя разговор в сторону, словно оберегая что-то важное и хрупкое внутри себя. Кемаль открыл бутылку и разлил вино по бокалам.

— Давай посмотрим на звёзды? — сказала она.

Они вышли на маленький балкон. Они уселись друг напротив друга, вытянув ноги, и медленно пили рубиновое вино. Голова Кемалья начинала приятно кружиться, а близость Анны ощущалась томительным жаром, лениво расплзающимся по венам. Он осторожно взял её ладонь и коснулся губами тыльной стороны. Анна не сопротивлялась, но в её теле Кемаль уловил лёгкое, едва заметное напряжение.

Он заглянул ей прямо в глаза. Анна на долю секунды попыталась отстраниться, но он бережно обхватил ладонью её тонкую шею, прижимая её лицо к себе. На этот раз она не стала сопротивляться. Он жадно целовал её губы, прикрытые веки, словно панически боялся упустить это мгновение. Анна слегка выгнулась в его руках, и Кемаль отчаянно захотелось увлечь её за собой.

— Может быть, перейдём в гостиную? — негромко предложил он.

Анна послушно поднялась вслед за ним. Они вернулись в комнату, где мягко подрагивало пламя свечей.

— Ты меня боишься? — тихо спросил он, когда они устроились на диване. — Ты постоянно держишь со мной эту невидимую дистанцию.

— Я не боюсь тебя, Кемаль, — покачала она головой. — Я боюсь саму себя. Не хочу причинить себе ненужную, глупую боль.

— Значит, я тебе всё-таки не безразличен? — выдохнул он. — Скажи мне правду.

Вместо ответа Анна ловко выскользнула из его объятий и поспешила на кухню. Кемаль медленно откинулся на подушки. Он прекрасно понимал, что настаивать сейчас бессмысленно: слишком хорошо чувствовал её скрытую тревогу и слишком ясно осознавал, что она на самом деле испытывает к нему. Через пару минут она вернулась с медным подносом, на котором стояли два тонких стаканчика с чаем.

— Анна, я меньше всего на свете хочу тебя обидеть, поверь мне, — наконец нарушил молчание Кемаль, глядя на огонь свечи.

— Меньше всего я хочу причинить тебе боль! Я чувствую к тебе непреодолимую тягу. Знаю, ты, возможно, не веришь мне, но я всё равно скажу. Ты для меня гораздо больше, чем просто красивая женщина. Ты единственный человек в моей жизни сейчас, с которым я хочу искренне смеяться и молчать, дурачиться и грустить, смотреть на небо или на шторм... даже плакать, если ты этого захочешь. Ты — единственная, кто мне по-настоящему нужна, — выговорил он на одном дыхании.

Кемаль поднялся и подошёл к окну. Ночной стамбульский воздух, врывающийся в приоткрытую створку, обжигал лёгкие. Кемаль жадно вдыхал его, остро ощущая собственную беспомощность и растерянность. Больше всего ему хотелось, чтобы Анна просто поверила его словам. Он стоял у рамы, теряя нить собственных мыслей, когда вдруг почувствовал её невесомую ладонь на своём плече. Анна нежно провела пальцами по его волосам, едва коснулась шеи, а затем ласково дотронулась до лица. Кемаль резко обернулся, и их губы снова встретились. Он ловил её прерывистое дыхание, бережно целуя её закрытые глаза, будто отчаянно хотел укрыть её от любых тревог.

— Уже почти полночь, — тяжело вздохнув, отстранилась Анна. — Тебе пора возвращаться домой.

— Давай я расскажу тебе одну маленькую историю, прежде чем уйду, — тихо попросил он, выливая в свой бокал последние густые капли рубинового вина.

— Хорошо, — так же тихо согласилась она.

Кемаль говорил вполголоса, будто искренне боялся спугнуть саму притчу:

— Давным-давно на крутых холмах Кузгунджука жил один бедный поэт. Однажды на набережной он случайно увидел девушку из очень зажиточной семьи. Её тёмные глаза наполнили кофейные зёрна, а кожа была белоснежной, словно хлопья на ветвях вековых чинаров. Поэт полюбил её в ту же секунду, но так и не решился подойти, панически боясь выглядеть нелепым и смешным. Прошли долгие месяцы. Он выходил на эту улицу каждый день, надеясь на мимолётную встречу, и бесконечно писал ей стихи в свой потрёпанный дневник, бережно называя её *Kış Gülü* — Зимняя роза. Судьба упрямо сталкивала их снова и снова, но поэт всякий раз медлил, и девушка исчезала в толпе, оставляя после себя лишь звенящую пустоту.

Спустя год, одним холодным зимним днём, он наконец вышел из своего дома с твёрдым решением: сегодня он точно заговорит с ней во что бы то ни стало. Но, подойдя к набережной, поэт увидел лишь кричащую толпу. Протиснувшись сквозь напуганных людей, он обомлел: на холодной земле неподвижно лежала его *Kış Gülü*, сбита автомобилем. Поэт пережил её на много лет, но так больше никогда и не женился.

Рассказывая Анне о безвестном поэте, Кемаль на самом деле говорил о самом себе. Его признание в собственном страхе было актом высшего доверия к этой иностранке.

— Суть этой истории лишь в одном, Анна, — тихо продолжил Кемаль, делая шаг к ней. — Никогда не нужно бояться своих истинных желаний. Потому что завтра может внезапно наступить день, когда, наконец решившись на самый важный шаг в жизни, ты с ужасом поймёшь, что уже слишком поздно...

— Кемаль! К чему всё это? Что ты пытаешься мне сказать? — резко прервала его Анна. — Ты женат. О каких желаниях вообще может идти речь? Уходи. Я и так позволила тебе сегодня слишком много!

— Анна! Я хочу быть только с тобой! — отчаянно выкрикнул он, шагнув вплотную и крепко схватив её за плечи. — Только с тобой! Ты — моя душа, моё утро и моя ночь.

Этот крик *«Только с тобой!»* глухим эхом отразился от каменных стен Джихангира, но в самой гостиной после него повисла оглушительная, давящая тишина.

— Я решу этот проклятый вопрос с браком в самое ближайшее время, — тяжело дыша, продолжил он. — Мне нужно только одно — услышать твой честный ответ. Ты хочешь быть со мной? Если да, то мы уедем отсюда. Куда угодно. Туда, где будем только ты и я!

— Ты слишком, слишком торопишь события, — покачала головой Анна, глядя прямо в его глаза, блестящие от подступивших слёз. — Я меньше всего на свете хочу становиться причиной ненависти, позора и разлада в твоей семье!

— Анна! Я уже всё для себя решил, — выдохнул он. — Я больше не позволю себе жить в плену постоянных мук под одной крышей с Мелек. Я тоже заслужил право быть наконец счастливым!

Анна стояла, опершись спиной о прохладную стену у балконной двери. Впервые в жизни она чувствовала себя беспомощной перед чужой волей. Ей было невыносимо смотреть в его глаза, наполненные искренней надеждой и надрывом. Но она панически боялась признаться самой себе, что этот женатый мужчина стал для неё жизненно важен с того самого мгновения, когда она впервые переступила порог его дома в Чешме. Судьба снова и снова подбрасывала ей самые трудные, драматичные сцены — с надрывом и неизбежной печалью.

— Любимая... Прошу тебя только об одном — выслушай меня! — в его изменившемся голосе прозвучала почти детская, обезоруживающая мольба.

Анна медленно подняла на него свои серые глаза.

— Хорошо, — тихо выдохнула она. — Я выслушаю тебя.

— Я не буду врать, что женился против собственной воли или только по настоянию родителей. Я расскажу тебе чистую правду, — он сделал короткую паузу, собираясь с силами.

— Когда-то давно я встретил Мелек. Она долгое время жила в Америке, и именно поэтому наш круг никогда не пересекался раньше. Мы познакомились на последнем курсе

Стамбульского университета. Она была дерзкая, невероятно уверенная в себе, абсолютно свободная от чужих предрассудков. Мне тогда казалось, что это не я её нашёл — а она сама выбрала меня из сотен других. Мы начали встречаться и вскоре поженились. Тогда я свято верил, что нашёл свою истинную судьбу. Поначалу Мелек действительно была мягкой, заботливой. Но со временем она показала ту свою сторону, о существовании которой я даже не подозревал. Однажды на вечеринке она публично, при всех растоптала моё достоинство всего парой жестоких фраз. И после того вечера во мне что-то окончательно сломалось. Я так и не смог её простить, — закончил свой монолог Кемаль.

— Я не знаю, что сказать, Кемаль. Я вижу правду в твоих глазах, но эта правда... она ведь не может сейчас ничего изменить в нашей реальности, — ответила она, тихо отвернувшись к окну.

— Всё может измениться, Анна! Если ты мне веришь, если ты просто хочешь быть со мной! Ты — единственная женщина, с которой я хочу разделить остаток своей жизни, до самого последнего вздоха! — выпалил он на одном финальном дыхании.

Анна медленно повернулась к нему. Кемаль коснулся её лица и запустил пальцы в русые локоны. Его прикосновения были такими нежными и осторожными, что её тело постепенно обмякло, и она без сил опустилась на мягкие подушки дивана. Ей вдруг невероятно захотелось спать.

Часы в прихожей размеренно пробили полночь. Он аккуратно положил голову ей на плечо, продолжая мерно гладить её шелковистые локоны. Его веки медленно смыкались, и Кемаль окончательно провалился в глубокий, безмятежный сон. Запах её волос, смешанный с ночной прохладой Босфора, стал для него самым важным воспоминанием в жизни.

Тишину раннего утра внезапно нарушил протяжный азан, эхо которого раскатисто разнеслось над просыпающимся Стамбулом, призывая праведников к первой молитве. Анна сонно повернулась на бок, закинув руку на соседнюю подушку. Кемаль лежал рядом, обнимая её за плечи и уткнувшись лицом в её ключицу. Проснувшись от её движения, он приоткрыл глаза и с удивлением осознал, что проспал всю эту ночь рядом с Анной. Он повернулся к ней лицом и, уткнувшись в её шею, вновь безмятежно заснул.

В этом утреннем полузабытии он был просто счастливым человеком, чей огромный мир теперь полностью умещался между хрупким плечом Анны и краем золотистого солнечного пятна на столе.

Глава 13. Анестезия для сердца

Будильник прозвонил ровно в девять утра. Мелек нехотя открыла глаза. В квартире было слишком тихо для стамбульского утра, и лишь у приоткрытого окна на подоконнике с кашпо громко ворковали голуби.

Она резко отбросила одеяло и, накинув шёлковый халат, направилась на кухню. Проходя мимо комнаты Кемаля, она машинально заглянула внутрь и с удивлением заметила, что кровать аккуратно заправлена, а его самого там нет. Она прошла по просторной гостиной, заглянула в соседние комнаты, вышла на балкон. Мужа не было нигде. Мелек остановилась посреди прихожей и взяла в руки телефон.

Где же тебя черти носят? — с раздражением пробормотала она, набирая его номер.

Телефон навязчиво вибрировал в кармане брюк Кемаля, брошенных на диван. Анна медленно открыла глаза. Её разбудил этот настойчивый, жужжащий звук, доносившийся из гостиной. Увидев безмятежно спящего рядом Кемаля, она от неожиданности окончательно проснулась.

— Доброе утро, — сонно пробормотал Кемаль, едва приоткрыв глаза.

— И тебе доброе, — растерянно ответила она. — Я... пойду заварю свежий чай, — добавила Анна и поспешно скрылась на кухне.

Кемаль достал телефон. На дисплее высветился пропущенный вызов от Мелек и одно короткое сообщение. Он безмолвно смотрел на светящийся экран несколько секунд, совершенно не зная, что написать в ответ. Его решение проигнорировать звонок жены стало его первым настоящим, осознанным актом открытого неповиновения.

Это было странное, ни на что не похожее утро. Кемаль впервые в жизни поступил именно так, как велело ему собственное израненное сердце. Он отчётливо чувствовал: несмотря на всё внешнее сопротивление Анны и её упорные попытки отрицать очевидные эмоции, между ними уже зародилась особая связь. Они ещё не были близки физически, но между их душами уже протянулась прочная невидимая нить.

— Я приготовила нам завтрак! — крикнула Анна с кухни, звонко звеня тарелками.

На столе Кемалья уже ждали две маленькие порционные сковородки с глазуньей, плетёная корзинка со свежим хлебом и тарелка с овощным салатом, щедро заправленным оливковым маслом.

— И когда только ты всё успела приготовить? — искренне улыбнулся он, присаживаясь к столу.

— Ну, я далеко не великий повар, но кое-что базовое всё-таки умею, — так же тепло улыбнулась в ответ Анна.

Кемаль сонно потёр глаза и принялся за завтрак, и вдруг понял: Анна действительно умела готовить. Нет ничего проще яичницы, но у Анны она была безупречна. Он ел медленно, наслаждаясь каждым кусочком, хотя в глубине души уже чувствовал тревогу. Его ждал неизбежный разговор с Мелек, но рядом с Анной он старался выглядеть лёгким и спокойным. Меньше всего на свете ему хотелось, чтобы она чувствовала себя неловко или тем более виноватой в том, в чём не было ни её ошибки, ни её вины.

Кемаль бросил на неё взгляд. Анна была прекрасна. Без капли макияжа, с чуть выюющимися волосами и глазами цвета яркого топаза. Ей не было равных ни в физической красоте, ни в красоте внутренней. Гордая, глубокая, щедрая на чувства и одновременно удивительно простая, она целиком захватила разум Кемалья, привязывая его к себе с каждым днём всё крепче и неотвратимее. И сама Анна не замечала, как её сердце всё чаще и сильнее отзывалось на мысли о нём. Очевидно, что она была влюблена, но по-прежнему осторожна. Она не хотела показывать Кемалю весь букет своих чувств. Старалась держать его на расстоянии, словно на пяти шагах от самой себя, будто это небольшое пространство могло защитить её от боли и от разочарования.

Закончив с завтраком, Кемаль отставил пустую тарелку и нехотя направился к выходу. Он нежно поцеловал её на прощание, ещё раз окинул долгим взглядом залитую солнцем гостиную, словно навсегда запоминая этот утренний свет, и тихо вышел из квартиры.

Он вёл Mercedes к дому, совершенно не зная, что именно соврёт Мелек, и решил, что будет разбираться с ситуацией уже на месте. Кемаль прекрасно понимал, что этот визит закончится очередным грандиозным скандалом, но даже эта перспектива сейчас не могла испортить его возвышенного настроения.

Повернув ключ в замке, он вошёл в квартиру и сразу услышал звонкий голос жены, доносившийся со стороны балкона. Мелек с кем-то оживлённо секретничала.

— Я тебе позже перезвоню, джаным, — сладко пропела она в трубку и нажала отбой.

Затем медленно повернулась к мужу и с лёгкой, почти хищной улыбкой произнесла:

— Какое прекрасное, чудное утро, дорогой муж. Не правда ли?

Пока она пристально пыталась прочесть его мысли по лицу, Кемаль стоял в прихожей, вдыхая далёкий солёный аромат Босфора. Ему казалось, что ничто в этом мире больше не способно лишить его обрётённого утреннего счастья — даже эти ехидные, ядовитые интонации.

— Согласен, — спокойно отрезал он.

Мелек чуть подалась вперёд, чутко стараясь уловить на его одежде шлейф чужих женских духов. Но, не почувствовав ничего, кроме едва заметного аромата сухого вина, разочарованно отпрянула.

— От тебя разит вином так, будто ты в одиночку осушил целую канистру, — недовольно процедила она.

Пока жена придирчиво искала следы другой женщины, Кемаль всё ещё отчётливо чувствовал на губах вкус того завтрака, который согревал его изнутри.

— Если у тебя сегодня нет дел на фабрике, поехали куда-нибудь за город, прогуляемся, — неожиданно предложила Мелек. — Не хочу киснуть дома целый день.

— Хорошо, — сухо ответил Кемаль, хотя на самом деле никакого желания проводить день с Мелек у него не было.

Однако он сознательно не хотел раньше времени накалять обстановку. Всему своё время. День, когда нужно будет вывалить ей всю жестокую правду, ещё не наступил. Сейчас ему хотелось выбрать мягкую тактику, при которой их разговор о расставании не превратится в кровавое поле боя с первого же слова.

В то время пока он терялся в этих мыслях, Мелек собралась непривычно быстро. Вскоре серый городской асфальт сменился прохладой лесов, пахнущих землёй и листвой. В этом уединении Кемаль всегда находил покой, но сегодня тишина жены казалась ему подозрительной. Спокойствие Мелек было слишком нарочитым — она напоминала затаившуюся змею, ждущую момента для броска.

Пока он разводил мангал, Мелек лежала в гамаке, лениво покачиваясь из стороны в сторону. На ней было лёгкое хлопковое платье, и при каждом движении ткань чуть приподнималась, оголяя её бедро. Это была тихая, ненавязчивая демонстрация соблазна, и было очевидно, что Мелек не собиралась так легко сдаваться.

Кемаль достал из машины раскладные стулья и стол, а Мелек тем временем откупорила бутылку красного вина и разлила его в маленькие стаканчики.

— Дорогая, я не могу столько пить. Я же за рулём, — сказал Кемаль, отодвигая стакан.

— Тебе уже ничто не поможет, поэтому просто расслабься! — спокойно ответила Мелек.

Закончив с обедом, они расстелили толстый плед и улеглись на него, устремив взгляды в небо. Макушки деревьев обрамляли бирюзовый свод, словно живую рамку для картины. Птицы щебетали где-то в глубине леса, и на мгновение казалось, что они находятся не на окраине Стамбула, а на какой-то другой планете, где нет асфальта, пробок и вечной спешки. После шумного города эта тишина казалась почти магической.

Вино медленно разливалось по жилам Кемалья, наполняя тело тяжёлым ленивым спокойствием. Мысли становились расплывчатыми, и веки тяжело опускались, будто сопротивляясь свету. Он и не заметил, как сон накрыл его, унося в тишину. Недалеко раздавались приглушённые голоса. Открыв глаза, он увидел рядом спящую Мелек, укрытую пляжным полотенцем.

«Сколько мы проспали?» — подумал Кемаль и, заложив руки за голову, уставился в тёмно-оранжевое небо, которое постепенно теряло свою яркость, уступая место сумеркам.

Мелек повернулась на бок и открыла глаза. Она несколько секунд молча смотрела на него, словно пытаясь понять, где находится, и потом нехотя приподнялась и прильнула губами к его груди. Ловко расстегнув пуговицы рубашки, она нежно провела языком по коже. От её прикосновений по его телу побежали мурашки. Мелек умело целовала его грудь, слегка извиваясь на тёмном покрывале. Она работала с его телом с точностью хирурга, знающего, куда именно нужно нанести удар, чтобы вызвать мгновенный ответный импульс. Кемаль провёл рукой по её бедру, прижимая её тело к себе ближе.

Отпрянув от его груди, она развернулась к нему боком и закинула одну ногу сверху. Движения её бёдер говорили о желании овладеть им. Он чувствовал нахлынувшие эмоции и не мог

противостоять. Желание близости с Анной и невозможность прикоснуться к ней выливались в эту отчаянную страсть с женой, похожую на срочную реанимацию при сердечном приступе.

Мелек была почти профессором в искусстве исцелять такие раны. Она смотрела ему прямо в глаза, и от её дерзкого взгляда его возбуждение лишь усиливалось. Этот танец напоминал поведение загнанного зверя — уставшего, но мучительно голодного, готового проглотить свою добычу целиком. Хотя Мелек вовсе не была похожа на жертву, в этом танце зверем был именно он.

Издав лёгкий стон, Кемаль почувствовал не облегчение, а лишь кратковременную анестезию, за которой неизбежно должна была последовать ещё более острая боль. Мелек молча смотрела на него, будто оценивая, кто же всё-таки одержал победу, но в этом танце не было ни победителей, ни проигравших. Были лишь две заблудшие души, которые пытались бороться со своими и чужими демонами в одиночку. И даже их редкая близость не могла защитить ту пропасть, в которую эти души снова и снова падали, медленно сгорая в треске внутреннего огня. Эта близость оставляла после себя лишь привкус пепла и осознание того, что яма между ними стала ещё на один дюйм шире.

— Ах, сколько времени? — вдруг испуганно воскликнула Мелек, садясь на пледе.

— Половина седьмого, — глухо ответил он.

— Мы же опаздываем на вечеринку к Февзи! — с досадой в голосе воскликнула она, поспешно собирая разбросанные вещи.

— Если ты так сильно хочешь поехать, я отвезу тебя домой, чтобы ты успела собраться, но сам я не пойду. Сюрпризов мне на сегодня более чем достаточно, — ответил Кемаль, устало потерев пальцами ноющие виски.

Обратная дорога красиво петляла в сумерках, ослепляя встречными фарами автомобилей. Мелек сидела на пассажирском кресле, неподвижно уставившись на тёмную ленту летящего асфальта, и за весь путь не проронила ни единого слова. Кемаль молчал, не зная, о чём говорить. Он вёл машину и думал о том, что если бы на месте Мелек рядом с ним сейчас находилась Анна, он был бы самым счастливым человеком на земле.

Войдя в квартиру в Нишанташи, Мелек на ходу сбросила с себя одежду и быстрым шагом отправилась в душ. За окнами гостиной безумным вихрем вальсировала сухая листва, заигрывая с тёмными красками наступившей осени. Даже противоположный берег вечернего Босфора в этот час казался Кемалю искусственно рыжим, словно небрежно раскрашенным в густые оттенки охры. И только редкие первые капли дождя, тихо постукивая по стеклу, упрямо напоминали о том, что это последние дни, когда можно без повода предаваться иллюзии былой любви прямо на земле, под покровом чёрного, усыпанного равнодушными звёздами неба.

Глава 14. Точка невозврата

На следующее утро Кемаль предложил Анне встретиться. Пока водитель медленно продвигался в изнуряющей веренице машин, тянувшейся почти до самых холмов Пьер Лоти, его мысли неизбежно возвращались к тому, что произошло между ним и Мелек в лесу. Дорога к этим склонам теперь превратилась для него в мучительную тропу личного покаяния. Странным образом именно этот путь вызывал в нём острые воспоминания о самых первых встречах с женой, когда их будущее ещё казалось возможным и настоящим.

Его мучили угрызения совести перед Анной. Он не мог избавиться от чувства, что предаёт её даже тогда, когда физически находился рядом с Мелек. В попытках объяснить себе их недавнюю близость на пледе Кемаль чувствовал себя голодным псом, которому до боли нужна была настоящая пища, но вместо этого его в очередной раз заставили довольствоваться суррогатом. Единственной женщиной, о которой он бредил наяву, оставалась Анна. Она была его единственным спасительным якорем в том безбрежном океане фальши, которым он сам себя окружил.

Длинный звук чужого клаксона вернул его в реальность, но так и не избавил от пугающего ощущения, что он несётся прямо в пропасть. Свернув с загруженного шоссе, водитель выехал на извилистую дорогу, ведущую вверх, к холмам.

К моменту, когда он добрался до места, на Стамбул окончательно опустилась плотная ночь. Анна сидела за маленьким деревянным столиком, покрытым скромной клетчатой скатертью, под сенью вековых деревьев.

Она вздрогнула от мягкого прикосновения к её плечу. За спиной стоял Кемаль, искренне довольный тем, что сумел так внезапно её обескуражить. Он до безумия любил подкрадываться к ней, запускать ладонь в её волнистые локоны и нежно касаться губами изящной шеи. Ему нравился её мгновенный испуг, её вспышка гнева, которая почти сразу сменялась смехом.

Так и в этот раз: Анна схватила его за руку и уже было хотела закричать, как Кемаль, не дав ей произнести ни слова, резко развернул её к себе, притянул за талию и нежно поцеловал в губы. Анна пыталась вырваться из его крепких рук, но сопротивление было скорее привычкой, чем истинным желанием. Спустя мгновение она сдалась и размякла в его объятиях, словно потеряв силу держаться за собственную осторожность.

Седой старик, наблюдавший за этой сценой из-за развёрнутой газеты, молча улыбнулся. В его взгляде не было ни осуждения, ни притворства — лишь тихое, почти отеческое любопытство к чужой любви, которая, казалось, напоминала ему о чём-то давно прожитом.

Кемаль опустился на стул напротив Анны и бережно взял её за руку. Он наблюдал, как она греет ладони о тонкое стекло стаканчика, и ему отчаянно хотелось, чтобы Анна точно так же согрела его застывшую от постоянной лжи совесть. Она бросила короткий взгляд на него и предложила прогуляться, словно давая ему возможность выплакать то, что так сильно тревожило его сердце.

Они спустились вниз по извилистой и тёмной аллее.

— Я хочу бозу! — вдруг воскликнула Анна, остановившись у витрины.

— Пойдём в Vefa Buzacısı. Это лучшее место! — ответил он и свернул в переулок, ведущий к старинному кафе.

Они вошли внутрь легендарного заведения. В залах было так же шумно илюдно, как и на улице. Маленькие столики были до отказа заняты посетителями, а у мраморной стойки выстроилась длинная очередь. Вскоре Кемаль вернулся к ней, держа в руках два стаканчика с густым напитком, поверхность которого традиционно украшала щедрая горсть ароматной корицы и золотистого жареного нута.

— Кемаль, я хотела с тобой поговорить, — сказала Анна, взяв его за руку и уверенно направляясь в сторону набережной. — Думаю, нам стоит прекратить наши встречи, пока это ещё не зашло совсем далеко...

Её голос дрожал, но в этой дрожи была странная твёрдость, которая испугала Кемалья.

— Ты знаешь, я очень ценю тебя, но я не хочу быть причиной чужого несчастья, — продолжила Анна, слегка прикусив нижнюю губу.

Кемаль чувствовал, как тяжело ей даются эти слова. В её устах это было больше похоже не на взвешенное решение, а на крик отчаяния.

— Нет, Анна! — с горечью воскликнул Кемаль, вцепившись в её тонкие пальцы.

— Ты понятия не имеешь, что такое настоящее несчастье! Несчастье — это когда ты впервые за последние десять лет чувствуешь не просто пресный интерес к жизни, а живые эмоции. Те самые, что заставляют тебя парить, как свободная чайка над волнами. Когда ты сам становишься этой волной, которая накатывает всё сильнее, растекаясь по венам сладким ядом. А затем этот яд превращается в чистый мёд, обволакивающий твоё израненное сердце, словно божественное лекарство, имя которому — любовь. И когда женщина, которая сейчас стоит передо мной, спокойно говорит, что готова всё это оборвать... Вот это, Анна, и есть истинное несчастье. А всё остальное — всего лишь временные неудобства!

— Я так больше не могу! У нас нет будущего, — с дрожью в голосе сказала она, отворачивая лицо, по которому уже текли слёзы.

— Я люблю тебя. Ты слышишь меня? Я никого и никогда так не любил в своей жизни. Ты единственный дорогой мне человек во всём этом мире. Ты — моя луна и моё солнце, — почти сорванным голосом произнёс он, глядя в её серые глаза.

Чёрное стамбульское небо мерцало далёкими отблесками уличных фонарей. Огромные белые чайки аристократично разгуливали по влажному асфальту, бдительно охраняя свою территорию от незваных гостей. Рыбачьи лодки покачивались у пирсов в такт прохладному осеннему ветру, и только пустынные улочки да гул редких машин, напоминали о том, что город окончательно сдаётся на милость ночи.

Они шли по набережной в сторону Фенера, крепко переплетая руки. Анна устало вздохнула и слегка капризно потянула Кемаль за рукав в сторону проезжей части.

— Я устала. Давай поймем такси, — сказала она тихо.

— Конечно! — ответил он и поднял руку.

Почти сразу перед ними со свистом тормозных колодок остановилась машина. Они сели на старое потёртое сиденье. Водитель что-то говорил без умолку, держа сигарету в руке и выпуская дым в приоткрытое окно. У дома в Джихангире Кемаль осторожно помог ей выйти. Она доверчиво прижалась к нему всем весом, и они так и остались стоять перед старой дверью в мягком свете уличного фонаря.

— Ты хочешь чаю? — сонно спросила Анна, на ощупь доставая из сумочки ключи.

— С удовольствием, — тут же выпалил Кемаль, ловя себя на остром ощущении счастья от того, что она не прогнала его.

Анна открыла дверь и жестом пригласила его войти. Кемаль опустился на знакомый диван, сразу глубоко провалившись в мягкие подушки. Здесь по-прежнему пахло Чукурджумой — густой, упоительной смесью старой пыли, сухого дерева и самой истории. Это был аромат его единственного надёжного убежища.

Анна вошла в комнату с медным подносом, на котором стояли пиалы со свежими эклерами и янтарный апельсиновый джем в хрустальной вазочке. Она присела рядом. Кемаль намеренно избегал темы их возможного расставания, но её молчание было красноречивее любых громких слов — она ждала от него поступков.

Допив свой чай, она поднялась и подошла к окну. Кемаль не видел выражения её лица, но всем телом чувствовал её глубокое смятение. Эта недосказанность, похожая на отзвук глухой, застарелой печали, заполняла комнату, усиливая его почти животный страх быть оставленным здесь и сейчас. Он бесшумно подошёл к ней сзади и нежно обнял за талию, прильнув губами к шее. Анна попыталась слабо отстраниться, но он резким, отчаянным движением развернул её к себе. Она упрямо прятала взгляд, словно панически боялась утонуть в том, что увидит в его глазах. Тогда Кемаль бережно взял её за подбородок и поцеловал.

— Я люблю тебя, — прошептал он почти беззвучно, глядя в её уставшие серые глаза.

Их губы слились в жадном поцелуе, в котором в одночасье сошлись все их накопленные страхи и несказанные признания. За окном ослепительно вспыхнула молния, и следом над Босфором прокатился глухой, раскатистый гром. Анна вздрогнула, окончательно растворяясь в его руках, как в единственном надёжном укрытии. Кемаль целовал её лицо, опускаясь к ключицам, будто пытался навсегда выучить наизусть каждый изгиб этого хрупкого тела.

Капли начавшегося дождя всё громче барабанили по подоконнику, полностью перекрывая неровное дыхание Анны. Кемаль осторожно отвёл её русые локоны в сторону и снова прильнул к шее. Анна послушно запрокинула голову, жадно вдыхая воздух. В этом жесте было всё: и полная сдача на милость победителя, и та самая хрупкая граница, за которой для них обоих начиналась бездна.

Лёгкое платье медленно соскользнуло с её плеч, обнажая изящную линию спины. Её кожа покрылась едва заметной испариной, оставляя крошечные капли — словно следы летнего дождя на тёплом прибрежном камне. Кемаль поспешно расстегнул пуговицы своей рубашки и прижался к ней, чувствуя, как неистово, бешено бьётся её сердце. В призрачном свете уличных фонарей её нагота мерцала, точно влажный драгоценный жемчуг. Вцепившись одной рукой в край плотной занавески, она больше не пыталась остановить эту бурю, которая огненной лавиной накрывала их двоих. За окном снова пронзила небо яркая вспышка, и раскат грома отозвался дрожью в их телах.

Спустя время Анна стояла, опираясь локтями о подоконник, и отрешённо смотрела на струйки воды, стекающие по стеклу. Поправив платье, она плотно задернула шторы и скрылась в ванной комнате.

На часах было уже далеко за полночь. Выйдя в гостиную, Анна завернула мокрые волосы в полотенце и накинула домашний халат. Пока чайник мерно насвистывал на плите, она устало закурила на кухне. В дверном проёме появился Кемаль. Его волосы блестели в свете лампы, а сильная фигура отбрасывала тёмный, уверенный силуэт на стену. Он подошёл к ней, мягко притянул её к себе для прощального поцелуя, но затем медленно отстранился, будто уже намереваясь направиться к выходу.

— Ты... не останешься? — спросила она, чуть поджав губы — будто заранее знала его ответ.

Кемаль замер у порога. В его взгляде в эту секунду смешались сотни противоречивых чувств: от сомнения до отчаянной нежности, от подступившей тревоги до того безумного притяжения, которое он испытывал только к ней.

— Я останусь, — неожиданно для самого себя произнёс он и, решительно отвернувшись от входной двери, прошёл в комнату.

Её глаза засияли счастьем и желанием удержать это мгновение как нечто бесконечно драгоценное. Она молча разлила горячий напиток по армудам. Ей не хотелось спрашивать Кемаль, почему вопреки всему он решил провести эту ночь с ней. Теперь это уже не имело значения. Завтра он встретит с ней рассвет, и это было важнее всего, что могло случиться послезавтра.

Кемаль поднял её на руки и отнёс в спальню. Почувствовав под головой мягкую опору, Анна повернулась лицом к окну и окончательно уснула. Он ещё долго сидел рядом, глядя на неё в полумраке, где лишь тонкий луч фонаря, пробившийся сквозь шторы, освещал светлую прядь её волос. Кемаль снял рубашку и лёг рядом.

Ему казалось, что прошла целая вечность с того момента, как он впервые увидел Анну на яхте. Сегодня он больше не мог идти против себя. Он не думал о последствиях и не мог больше ждать, надеясь на тень счастья. Всё, что он мог сделать ради себя, — это принять единственное и, возможно, судьбоносное решение, способное навсегда изменить его жизнь. Обняв Анну, он закрыл глаза и впервые за долгое время провалился в глубокий и безмятежный сон.

Глава 15. На краю бездонного колодца

Кемаль свернул в сторону Мертера. В салоне негромко пел старый турецкий исполнитель, чьё имя ускользало из памяти. Внезапно мобильный в кармане ожил и на дисплее вспыхнуло имя «Мелек».

Он несколько секунд просто смотрел на мигающий экран, не зная, что сказать, но врать больше не было сил. На мгновение ему показалось, что он сейчас нажмёт на кнопку и объявит, что всё кончено, но звонок оборвался, и тут же пришло сообщение:

«Если ты сейчас же не ответишь, можешь не возвращаться домой».

Эти слова застыли перед глазами, как сухой щёлчок предохранителя. Мелек знала, куда ударить, чтобы заставить его подчиниться. Кемаль закурил. Предстоящий разговор мгновенно

лишил его чувства лёгкости. Он нервно постукивал пальцами по коробке передач, пытаясь привести в порядок разбросанные мысли. Ему отчаянно хотелось вернуться обратно во вчерашний вечер и никогда не возвращаться в действительность.

До фабрики оставалось несколько сотен метров. Он резко прибавил газ и вскоре уже стоял перед шлагбаумом. Октябрь в этом году был обманчиво летним. Стоило открыть дверцу машины, как в салон ворвался душный воздух, похожий на жар пекарни. Кемаль быстро скрылся в прохладе здания и, пройдя в кабинет, рухнул в кресло.

Аппарат снова завибрировал. Мелек. Он взял его в руки, но вместо того, чтобы ответить жене, набрал номер Анны. В трубке раздались длинные гудки, которые тянулись мучительно долго. Анна не отвечала. Он ещё раз нажал на вызов, но в тот же момент дверь распахнулась, и на пороге появилась жена.

Она уверенным шагом вошла внутрь, резко захлопнув за собой створку, и направилась прямо к столу. Кемаль сидел в кресле не шелохнувшись, глядя в её чёрные глаза, которые, казалось, сжигали всё вокруг.

— Не предложишь чай или кофе? — язвительно бросила она.

Кемаль молча набрал внутренний номер. Через несколько минут вошла сотрудница и поставила на стол кофе с двумя маленькими кусочками лукума из розы с миндалём. Кемаль коротко кивнул в знак благодарности, и девушка так же бесшумно исчезла за дверью. В помещении воцарилась тишина, пропитанная неминуемым скандалом.

— Нам стоит наконец поговорить, — сказала Мелек.

— Я думаю, нам давно пора поговорить, — не менее решительно ответил Кемаль.

— Я знаю тебя достаточно хорошо, чтобы видеть все изменения твоей души на лице, — сказала она с иронией, скривив губы в наглой полуулыбке. — Не буду ходить вокруг да около и спрошу тебя прямо! Кто она?!

Кемаль смотрел на неё холодным, почти пустым взглядом. Внутри него не осталось ни сил на оправдания, ни желания что-то придумывать. Он чувствовал, как фантазия покинула его, как будто вместе с ней ушло и последнее терпение. Он встал и подошёл к окну, повернувшись к ней спиной.

— Ты думаешь, что знаешь меня, но это не так, — наконец заговорил он. — Ты видишь только воду на поверхности колодца, но не имеешь представления о том, что скрывается на его дне. Если бы ты хоть раз попробовала заглянуть глубже, то, возможно, увидела бы совершенно другого Кемалья. Но за все годы нашей жизни ты так и не захотела этого узнать. Я не понимаю, зачем ты вообще вышла за меня замуж. Ты любишь только себя, и для меня в твоей жизни никогда не было места. И даже сейчас ты задаёшь вопрос «кто она», потому что задето твоё уязвлённое эго. Но это не любовь, Мелек. Ты никогда не любила меня так, как женщина любит мужчину. Ты просто терпела меня, потому что так было удобно!

— Я задала тебе вопрос, но ты не ответил! Ты просто прикрываешься своим бездонным колодцем, убегая от правды, — крикнула она, усмехнувшись.

— У всех есть свой колодец, Кемаль! И если бы ты хотел мне что-то показать, ты мог бы сделать это сам, а не ждать, пока я начну блуждать по чёрным дырам твоей истерзанной души. Меня абсолютно не волнует, что ты обо мне думаешь. Но ты должен знать одно: ты не будешь счастлив вне нашего дома! И кто бы она ни была, развода не будет. Даже не мечтай! — выкрикнула она и, резко развернувшись, вышла из кабинета.

Кемаль сидел молча за столом, чувствуя, как его голова раскалывается на две части — будто внутри плескалась огненная лава, медленно сжигая всё на своём пути.

Мелек всегда отличалась жестокостью и равнодушием, но почему-то именно сегодня он увидел в ней то, что прежде словно отказывался замечать: ненависть и презрение, которые она испытывала к нему, скрывая их за маской внешнего благополучия. Его сердце раздирала боль, впиваясь всё глубже своими хищными зубами в окровавленную плоть воспоминаний.

За окном прогремел раскат грома, словно кто-то с размаху уронил рояль. В кабинете стало совсем темно, и только узкий луч серого мерцающего света жалобно пробивался сквозь щель приоткрытых жалюзи. Почему-то именно сейчас гроза напомнила Кемалю эпилог его отношений с Мелек. Он попытался сосредоточиться на работе, но мысли путались и ускользали, а звонок Анне так и остался без ответа, лишь усиливая его раздражение и тревогу.

Внезапно он вскочил с кресла и выбежал из помещения, даже не закрыв за собой дверь. В воздухе стоял густой запах жареного мяса, который слабый ветер разносил по району. Кемаль вдруг почувствовал острый голод. Голова кружилась, и желудок предательски сжимался, поднимая к горлу неприятную тягучую тошноту. Он сел в автомобиль и направился в сторону Фатиха.

Вдоль набережной, едва покачиваясь на воде, стояли маленькие рыбацкие лодки, и только пассажирские корабли, создавая невидимый ажиотаж, уверенно рассекали пространство, скользя с одного берега Босфора на другой. Кемалю вдруг нестерпимо захотелось сесть на один из этих вапуров и просто куда-нибудь уплыть. Исчезнуть на воде, раствориться в её движении, как будто вместе с волнами можно было унести и боль, и сомнения, и тяжесть на сердце.

На проспекте застыла плотная пробка, и, свернув в переулок Айвансарая, он оставил машину и вошёл в Balat Kahvesi. Это место с его обшарпанными стенами и неспешным ритмом было островком тишины посреди суетливого Балата. Выпив чашку кофе, он уже собирался уходить, как в его кармане зазвонил телефон. Это была Анна.

— Я звонил тебе несколько раз! У тебя всё хорошо? — взволнованно выпалил Кемаль, не дав ей сказать ни слова.

— Я заснула в ванне! Прости, только сейчас увидела звонок! — ответила она, и Кемаль почти физически почувствовал, как она улыбается в трубку.

Её звонкий голос переливался нотками лёгкости и счастья. Анна увлечённо щебетала, перескакивая с одной мысли на другую, а Кемаль ловил каждую интонацию, каждое дыхание между словами. Он вдруг понял, что совершенно забыл о тяжёлом разговоре с Мелек. Пока любимая делилась новостями, он никак не мог сосредоточиться на деталях. Мужчина просто улавливал отдельные фразы, машинально кивал в трубку и поддакивал, лишь бы этот миг не обрывался. Ему хотелось одного: поскорее увидеть её и просто обнять.

— Кемаль! Ты меня вообще слушаешь? — вдруг громко воскликнула Анна.

— Да, любимая. Конечно слушаю. Я завтра утром приеду к тебе, если у тебя нет никаких планов, — сказал он, открывая дверь автомобиля.

— Да! Только мне нужно пройтись по магазинам и найти себе платье. В следующую субботу я приглашена на мероприятие, которое опять организует Февзи. Там снова какая-то вечеринка, и я буду играть, — добавила она, улыбаясь в трубку.

Кемаль от неожиданности чуть не выронил телефон, садясь в салон. Сердце на мгновение рухнуло куда-то вниз — словно он оступился на невидимой ступени, ведущей напрямик в бездну.

Он чувствовал, как механизмы рока приходят в движение: Мелек, Февзи, Анна — все они неумолимо сближались для одной роковой встречи. Он прекрасно понимал, что даже если сам не пойдёт, Мелек обязательно там будет. Кемалья снова охватил мандраж. В его голове вспыхнула картина: сначала вежливые улыбки, холодная светская любезность, за которой скрывается бешеное напряжение. Затем неминуемый скандал. И Анна, которая покинет вечеринку гордо, без лишних слов. Анна, которая, возможно, больше никогда не возьмёт трубку... От этой мысли к горлу подступила тошнота.

— Хорошо! Я завтра приеду, и мы всё обсудим, — сказал Кемаль, стараясь, чтобы голос звучал ровно, и отключил вызов.

Он завёл автомобиль и медленно тронулся в сторону Нишанташи, чувствуя, как дорога уводит его не просто в другой район города, а всё глубже в лабиринт собственных решений, где абсолютно каждый поворот мог оказаться роковым.

Глава 16. Запах проданных душ

Яркое утреннее солнце настойчиво билось в окна, и лишь тяжёлые тёмные портьеры удерживали натиск октябрьского света. Анна прошла в гостиную и решительно распахнула их. Солнце мгновенно залило комнату, проникая в каждую трещинку стен, будто стремясь разбудить само пространство. В углу напротив окна стояло старое фортепиано.

На комоде, доставшемся ей в наследство от бабушки-француженки, среди стопок книг красовался виниловый проигрыватель. Потёртый, с едва заметными царапинами на крышке, он хранил тёплую память о прошлом, где каждая отметина на нём была словно морщинка на лице старого друга.

Анна бережно достала пластинку Клода Франсуа и опустила иглу на вращающийся диск — по дому разлилась мелодичная французская речь, полная музыкальности и лёгкой грусти. Этот язык Анна особенно любила за ощущение утончённой свободы, которое он в ней пробуждал.

Её мать приложила немало усилий, чтобы Анна владела не только французским, но и турецким, английским и русским. В её голове гармонично уживались парижская утончённость и стамбульский фатализм. Но турецкий язык всегда оставался для неё особенно близким: в нём звучала кровь её отца и та связь с миром, к которому она принадлежала с рождения.

Анна выключила проигрыватель и поспешила в спальню. В театре неожиданно назначили репетицию, и ей нужно было во что бы то ни стало успеть к началу. Она достала из гардероба платье оливкового оттенка. Повязав на шею тонкий полосатый платок, она надела туфли и, задёрнув занавески, вышла из дома.

Снаружи город пульсировал: грохот машин и треск мотороллеров смешивались с криками чаек, чьи гортанные возгласы напоминали странную смесь кошачьего мяуканья и лягушачьего кваканья. Этот акустический хаос казался почти осязаемым, словно воздух прошили невидимые нити разноголосицы. Миновав тихие кафе, Анна свернула к площади Таксим. Навстречу выехал фургон газовой службы, чья знакомая мелодия колокольчика мягко разлилась в воздухе, оповещая о доставке. Анна всегда ловила эти короткие хрустальные ноты. В их переливах, плывущих над асфальтом, слышался привет из иного, неспешного Стамбула. В отличие от надрывного «Эскиджи!» старьёвщиков, собирающих рухлядь, этот перезвон всегда звучал красиво, даже оставаясь лишь бытовым сигналом.

Пройдя площадь, Анна быстро направилась в сторону Нишанташи. Витрины этого района манили искушённых клиентов последними коллекциями и высокой кухней, а в кофейнях стамбульская элита вела свои неспешные беседы. Казалось, что даже сам воздух здесь звучит плотнее от негласных правил и завышенных ожиданий.

Анне была чужда эта ярмарка тщеславия, но именно светские связи помогли ей в своё время устроиться в труппу. Сцена была её храмом, но путь к нему лежал через лабиринт нужных знакомств. Анна была не лишена амбиций, но при всём успехе выше всего ценила в людях простоту. Высшему обществу всегда нужна «новая кровь», и она вполне могла бы стать заманчивой добычей для светских охотников. Однако интуиция и воспитание отталкивали её от шумных собраний и пустых разговоров.

— Анна! Рад встрече! — внезапно донёсся из-за спины знакомый голос.

Обернувшись, она увидела Экрем-бея — именитого руководителя театра и обладателя внушительной бороды. В его приветствии слышалась вся поставленная мощь голоса, привыкшего без труда заполнять партер.

— Какая неожиданность! — по-актёрски воскликнула она, хотя прекрасно понимала: в Нишанташи можно встретить все сливки стамбульского общества. Режиссёры, актёры, модные музыканты, художники и владельцы элитных ресторанов — все они составляли единое живое звено, кочующее по одним и тем же статусным адресам.

— Может быть, чаю? Или холодного просекко? — предложил Экрем-бей, прищурившись от яркого солнца.

Анна на секунду замешкалась, но он уже взял её под руку и повёл к ближайшей террасе. Его хватка была вежливой, но властной, как жест человека, привыкшего управлять сценой и людьми.

— Для просекко рановато, а от чая я не откажусь, — ответила она, понимая, что вопрос был скорее утверждением.

Они вошли в прохладный зал. Интерьеры в Нишанташи дышали сдержанной роскошью: никакой избыточности, только благородная простота, качество и стиль, за которым чувствовались уверенность и вкус. Экрем-бей оживился и, не дожидаясь заказа, принялся в своей привычной манере рассуждать о каком-то модном мероприятии. Он закинул ногу на ногу и размахивал руками так, словно сидел не в кафе, а на подмостках театра, сопровождая каждый свой жест живой мимикой. В этом движении рук читалась многолетняя привычка к аплодисментам, даже если зритель был всего лишь один.

Анна кивала, изредка вставляя короткие фразы исключительно для поддержания беседы. На самом деле ей не хотелось здесь оставаться, её мысли блуждали в прошедшем дне, вновь и вновь рисуя картины первой близости с Кемалем. Всё это было слишком свежим, и в тишине зала воспоминания о нём обжигали, как глоток чёрного кофе, превращая монолог режиссёра в далёкий и неважный шум.

— Анна! Кажется, ты влюбилась! — воскликнул Экрем-бей.

От неожиданности она вздрогнула, словно её рывком вытащили из другого мира и вернули за этот крошечный столик.

— С чего вы это взяли? — спросила она, пытаясь скрыть смущение за улыбкой.

— Ну вот, значит, я прав! — рассмеялся он. — Я впервые вижу тебя с такими глазами. Они горят, но блуждают где-то далеко. Ты выглядишь чертовски желанной.

Его тяжёлый взгляд на секунду скользнул к её груди, и Анна почувствовала острую неловкость. Она и правда была сейчас не здесь, а где-то в зыбком пространстве между памятью о прошлой ночи и ожиданием новой встречи.

— Наверное, это всё от недосыпа, — Анна придумала странную отговорку.

Экрем-бей прищурился и лишь понимающе улыбнулся, ничего не сказав. Он продолжил своё повествование о шумной вечеринке, как вдруг, потянувшись к ней и слегка отодвинув шёлковую прядь волос, неожиданно поцеловал её в щёку. Прикосновение было мимолётным, но она ощутила его как резкий, неприятный укол реальности. Анна на мгновение опешила, лишившись дара речи, но Экрем-бей, взяв её за ладонь и посмотрев прямо в глаза, тихо произнёс:

— Если тебе будет грустно, у меня есть прекрасное лекарство от скуки и несбывшихся надежд. Я могу сделать тебя счастливой хотя бы на пару часов. Просто позвони мне.

Анна уже открыла рот, чтобы возразить, но он не дал ей времени. Стремительно расплатившись с официантом, он поцеловал её в лоб и так же быстро исчез, растворившись в толпе прохожих. Его уход был столь же театрален, как и появление — эффектный финал дурно поставленной пьесы.

Анна ещё несколько минут сидела неподвижно, уставившись в одну точку, ошеломлённая этой выходкой. С одной стороны, ей как женщине льстило подобное внимание, но с другой — она слишком хорошо знала, чем заканчиваются такие предложения от влиятельных мужчин, не привыкших слышать «нет».

Тень прошлого внезапно накрыла её, стирая вкус чая и оставляя на губах холодный привкус тревоги. Опыт отношений с Юсуфом подсказывал ясно и безошибочно: от такого нужно бежать, и как можно быстрее. Поблагодарив официанта, Анна направилась вдоль сверкающих витрин в сторону парка Мачка.

Она шла медленно, словно нащупывая путь, пытаясь оставить за спиной не только кафе, но и всё то напряжение, что внезапно сгустилось вокруг неё. Мир казался расфокусированным, как плёнка, засвеченная слишком ярким полуденным солнцем. Мысли о платье куда-то растворились, будто их и не существовало вообще.

Где-то глубоко внутри её пугало это общество, насквозь пропитанное фальшью и почти животными желаниями. Богатые в своём несчастье люди, готовые заплатить любую цену за то, что купить невозможно. Мужчины, жаждущие коротких приключений на стороне, и женщины, раз за разом прощающие ненавистных мужей за новые автомобили, меха и дорогие сумки. Сквозь шлейф элитного парфюма она отчётливо чувствовала запах гнили проданных душ. Этот мир был изрядно потрёпан невымышленными драмами, в центре которых всегда стояли только деньги.

Пройдя через парк, Анна поднялась к Джихангиру. Ей отчаянно хотелось поскорее добраться до дома и погрузиться в свою ванну, как в глубокую бездну, чтобы утопить на её чугунном дне все свои тревоги, сомнения и бесконечные мысли.

Глава 17. Брат моей жены

Прошло несколько недель. Мелек по-прежнему пребывала в отвратительном настроении, и в этом не было ничего удивительного: Кемаль вместо дежурных оправданий лишь подтвердил её самые страшные опасения.

— Ах, Кемаль! Как ты мог так со мной поступить? И это после всего, что я и моя семья сделали для тебя! — сквозь зубы процедила она, пережёвывая собственную обиду.

— Дерья! Где ты? — выкрикнула Мелек. — Принеси мне воды! Нет! Лучше вина! Если, конечно, это вообще может помочь...

— Пожалуйста, госпожа, — робко ответила домработница, появившись через несколько минут и поставив бокал красного вина на комод возле кровати.

Мелек сделала глоток. Алкоголь растёкся по телу горячими струями, словно тщетно пытаясь погасить пожар внутри. Она вышла на террасу и опустила в шёлковый шезлонг, театрально закинув ногу на ногу.

— Если ты думаешь, что тебе удастся всё бросить и уйти, ты глубоко ошибаешься, Кемаль-бей! Кто бы ни была эта женщина, покоя и счастья тебе не будет, — прошипела она с ядовитой улыбкой, словно эти слова были древним заклятием.

Мелек медленно распласталась в шезлонге, подобно медузе, продолжая жадно пить вино. Голова кружилась, и мрачные мысли вращались в ней, словно по замкнутому кругу. В сознании вспыхивали то картины прошлого счастья, то образы, похожие на кошмарные сны. Она закрыла глаза и вдруг ясно вспомнила их яростную близость на холодной столешнице в доме у моря. Как же ей сейчас хотелось вернуться туда, в ту точку, где всё ещё казалось живым и настоящим. Иногда она думала, что Кемаль был создан именно для их безудержной, горячей, почти разрушительной страсти. Но была ли это любовь?

«Люблю ли я его... или просто хочу?» — эта мысль неожиданно всплыла на поверхность, будто поднявшись со дна пустого бокала.

Раньше ей никогда не приходило в голову, что это может быть вовсе не любовь. И вдруг впервые за всё это время в её сознании промелькнула пугающая догадка: а вдруг Кемаль был прав...

Мелек резко поставила бокал на стеклянный стол. Собственные мысли раздражали её: ей не нравилось всё, что он наговорил. Его слова, точно острые лезвия, ковыряли её изнутри,

лишая покоя. Сама возможность его правоты была невыносимой, ведь тогда финал их отношений становился слишком осязаемым и реальным.

Мелек была охотницей. Она всегда знала, что способна вскружить голову любому, но желание обладать именно Кемалем сейчас было превыше всего. Он оставался её трофеем и главным подтверждением власти. Словно вампир, она годами жадно пила его кровь, опустошая до последней капли и не испытывая ни малейших сожалений.

Временами ей доставляло почти физическое удовольствие доводить Кемалю до отчаяния, чтобы затем внезапно одарить его жаркой близостью. Она умело играла на его нервах, натягивала их до предела и отпускала ровно в тот момент, когда он становился полностью покорным и зависимым.

— Невозможно, чтобы меня бросил мужчина! Я столько лет его терпела. Хотя, может, и не терпела вовсе, — задумчиво произнесла она, и в памяти вдруг всплыло её тайное приключение с менеджером автосалона на заднем сиденье новенького BMW.

От этого воспоминания на её губах появилась самодовольная улыбка. Но этот мимолётный триумф плоти стал лишь временной анестезией перед лицом неминуемой катастрофы её брака. Мелек закурила, запрокинув голову и выпуская сизый дым в темнеющее небо.

— Любовь или страсть... Какая вообще разница! Он мой муж. И я должна во что бы то ни стало узнать, кто эта женщина, — сказала она вслух и решительно взяла телефон.

— Джаным! Я согласна, — пропела Мелек в трубку, даже не поздоровавшись.

— Дорогая, ты о чём? — испуганно спросила Айше на том конце провода.

— Я про частного детектива! Помнишь, ты говорила? — прошептала она, плотно прикрывая микрофон ладонью, чтобы домработница ничего не услышала.

— Всё поняла, — с явным облегчением выдохнула Айше.

Связь оборвалась. Мелек медленно опустила руку. В её глазах больше не было сомнений, лишь опасный азарт хищницы, которая только что взяла верный след.

Кемаль ехал неспешно, безвольно пропуская мчавшиеся мимо автомобили. В салоне звучала весёлая музыка, но её бодрые, почти насмешливые интонации лишь раздражали его. Он резким движением выключил радио и опустил стекло. На мосту плотными рядами стояли рыбаки. Казалось, приближающаяся гроза их вовсе не тревожила.

Загоревшие до черноты затылки торчали вдоль дороги, словно обожжённые буйки в пёстрой одежде, застывшие на границе неба и воды. Кемаль двигался со скоростью сорок километров в час, то и дело притормаживая, за что получал в спину сердитые залпы клаксонов и обрывки ругани из открытых окон.

В Стамбуле все всегда спешат, и неважно, чем ты управляешь: автомобилем или собственной судьбой. Скорость в этом городе почти как религия, но Кемаль ехал наперекор времени и правилам.

Внезапно к нему вернулась паника, парализуя волю. Мысли путались и цеплялись друг за друга, но ни одна не вела к решению. Всё происходящее нависало над ним реальной угрозой, предвещая крах его отношений с Анной.

«Если я принципиально не пойду на эту вечеринку, удастся ли избежать роковой встречи Анны и Мелек? А если жена всё поймёт прямо на борту? И как, чёрт возьми, я объясню Анне, что Февзи — родной брат моей жены?» — эти вопросы крутились в его голове, как заевшая граммофонная пластинка.

Бросив машину неподалёку от мечети Фирузага, он поднялся на четвёртый этаж по винтовой лестнице, чувствуя, как пульс учащается с каждой новой ступенью. Анна распахнула дверь и, крепко взяв Кемалю за руку, почти втянула его в прихожую. Бросив на его растерянное лицо хитрый взгляд, она вдруг рассмеялась.

— Почему ты смеёшься? — спросил он, и его собственные губы невольно растянулись в ответной улыбке.

— Без видимой причины. Просто очень рада тебя видеть, — ответила она и сама поцеловала его в губы.

Анна уже хотела отстраниться, чтобы пригласить его в гостиную, но Кемаль резко развернул её к себе и снова притянул в объятия. Его поцелуй был нетерпеливым и жадным, будто в нём скопились все тревоги и ожидания последних часов. Анна не сопротивлялась: её тело податливо отозвалось на это движение, а внутри разлилась мягкая дрожь, похожая на тихий звон хрустала. Кемаль поднял её на руки, перенёс на диван и сел рядом, не выпуская из объятий.

— Послушай, как оно стучит. Слышишь? — Кемаль взял её ладонь и бережно положил на свою грудь.

— Красиво бьётся, — тихо сказала она, внимательно вслушиваясь в его сумасшедший ритм.

— Наши сердца словно идут в одном темпе. И я хочу слышать твоё, пока могу, — ответил он и снова прильнул к её губам.

Вдруг Анна легко отпрянула, словно сбрасывая остатки напряжения.

— Я быстро сделаю нам кофе и наконец расскажу тебе про вечеринку! — весело пообещала она, направляясь на кухню.

Кемаль старался сохранить на лице спокойную улыбку, но внутри у него всё окончательно оборвалось. Само слово «вечеринка» повисло в воздухе тяжёлой грозовой тучей. Судьба, принявшая облик светского праздника, уже занесла над ними свой карающий меч. Через несколько минут Анна вернулась с медным подносом, неся две чашки и тарелку с курабье.

— Я завтра снова буду играть на яхте, — с воодушевлением начала она. — Мне позволила помощница Февзи-бея, попросила выступить ещё раз. В прошлый раз гостям очень понравилось.

Кемаль молча кивнул, чувствуя, как внутри поднимается волна тревоги.

— А ты ведь будешь там? В прошлый раз ты же был.

Она улыбнулась, считая это само собой разумеющимся. Её доверчивое неведение стало для Кемаль самым болезненным ударом. Он сидел словно вкопанный, не зная, что сказать в ответ.

— Анна... Я должен тебе кое-что сказать, и это действительно важно. Если честно, я даже не знаю, с чего начать, — произнёс он с глубокой растерянностью.

Пути назад не было. Собравшись с духом, он на одном дыхании выпалил:

— Анна... Февзи — родной брат моей жены.

В комнате повисла такая плотная тишина, что, казалось, её можно было физически коснуться рукой. Анна замерла с чашкой, но спустя мгновение аккуратно поставила её на стол и медленно подошла к балконной двери.

— Почему ты не сказал мне об этом раньше? — тихо произнесла она, не оборачиваясь.

Кемаль вскочил с дивана и ринулся к ней, пытаясь заглянуть в лицо, но резкое движение её плеча дало чётко понять: сейчас к ней лучше не прикасаться.

— Анна, послушай! У меня просто не было повода говорить об этом прежде. И, если быть до конца честным, я наивно полагал, что ты уже давно сама всё знаешь, — соврал он. — Мы ведь познакомились на той самой первой вечеринке, потом виделись в Измире. Я был уверен, что ты в курсе наших связей.

Это была ложь, рождённая не злым умыслом, а отчаянием и паническим страхом потерять её навсегда.

— Нет. Я не знала, что вы близкие родственники. В Чешме никто об этом даже не упоминал. Я думала, вы просто старые друзья, — холодно ответила Анна, строго скрестив руки на груди. — Я откажусь от этой вечеринки. У меня нет ни малейшего желания участвовать в ваших семейных драмах.

— Я тоже туда не пойду, — поспешно выпалил Кемаль, решив, что мгновенно нашёл идеальный выход.

— Вот и замечательно. Тем лучше. У меня всё равно нет подходящего платья, — сказала она уже заметно спокойнее.

Его слова были клятвой, брошенной в лицо надвигающемуся шторму, отчаянной попыткой обмануть судьбу, которая уже расставила свои ловушки. Анна посмотрела на него внимательно, словно читая его изнутри, и молча ушла на кухню.

«Ах, Кемаль! Тебе нужно всё рассказать Мелек и поставить жирную точку в этой несчастливой жизни», — подумал он.

Хотя что там рассказывать. Мелек всё равно увидит в себе лишь жертву, брошенную ради русской актрисы. Русская актриса из Парижа. Как красиво это звучало! Только ради одного этого звучания стоило рискнуть всем. В этом словосочетании он видел свой единственный путь к спасению, даже если этот путь лежал сквозь удушливый смог его прежнего мира.

Кемаль сидел на диване, уставившись на комод отсутствующим, поэтичным взглядом. Его мысли вели бесконечный диалог сами с собой, и в какой-то момент ему даже показалось, что он говорит вслух. Анна вошла в комнату и, поставив на стол ещё одну чашку, опустилась рядом с ним.

— Как много всего произошло за последнее время, — вдруг сказала она.

Её голос был спокойным, но в интонации сквозила глубокая усталость.

— Мы знакомы совсем недавно, а такое чувство, будто прошла уже целая вечность. Хочется просто забыться и перелистнуть эту главу, даже не узнав, чем она закончится. Не так ли, Кемаль? — бросила она, холодно взглянув на него.

В её словах звучал упрёк. Ещё с утра Анна была настолько счастлива, так безоговорочно доверяя Кемалю, что подобную ситуацию просто не могла себе представить. С одной стороны, он не был виноват. С другой — виноват. Он должен был сказать ей раньше. Но что именно он мог сказать? Ведь с момента их знакомства с Февзи они виделись всего один раз, и это было не вчера и не позавчера.

Мысли Анны металась и путались, заставляя её больно прикусывать нижнюю губу. Она чувствовала себя неуверенной в правильности своего решения сохранить отношения с Кемалем. Но настаивать на разводе она не могла. Ей было гораздо важнее, чтобы он сам принял это решение, и давление здесь казалось ей недопустимым и даже жестоким. На месте Анны Мелек, возможно, уже давно отвела бы его за руку в суд и поставила жирную точку в этой истории, но Анна была другой. Она не принадлежала к тем женщинам, которые любой ценой добиваются желаемого. Она верила в судьбу, и, глядя в его глаза, она чувствовала его сердце. Именно этот живой ритм заставил её остаться.

— Давай куда-нибудь уедем! Прямо сейчас. Прогуляемся по набережной подальше отсюда, — неожиданно предложил Кемаль.

Этот спонтанный порыв был его отчаянной попыткой украсть у судьбы ещё один чистый вечер, вырваться из тисков города, который уже начал смыкаться вокруг них.

— Может быть, уплывём на Принцевы острова? — предложила она.

— Отличная идея, — ответил он. — Тогда лучше оставить машину возле дома.

— Хорошо, — отозвалась Анна и ушла собираться.

Кемаль достал сигарету и закурил. Солнце медленно опускалось, рисуя на стенах соседних домов длинные золотистые тени.

— Я готова. Идём, — раздался из гостиной звонкий голос Анны.

Кемаль обернулся и застыл. Она была поразительно красива. Белое вязаное трикотажное платье подчёркивало её хрупкую фигуру; босоножки на длинной шнуровке, завязанные на лодыжках в греческом стиле, придавали её образу лёгкость и античную утончённость. Волни-

стые волосы мягко падали на плечи, ловя последние лучи солнца, а глаза блестели в полумраке, словно два голубых камня, подчёркивая скулы и губы.

— Как же ты прекрасна! — вырвалось у него, когда он подошёл и заключил её в объятия.

— Пойдём же уже, — сказала Анна, слегка отстранившись, но улыбнувшись.

Через полчаса они уже приближались на трамвае к причалу в Эминёню, едва успев на ближайший паром. Кемаль крепко взял Анну за руку, и они поднялись на самую верхнюю палубу, выбрав свободные места в кормовой части. Когда швартовы были сняты, корабль издал протяжный гудок и выплеснул в озарённое солнцем небо густое облако чёрного дыма.

Кемаль нежно обнял Анну, а она, положив голову ему на грудь, тихо смотрела, как шумный Стамбул медленно отдаляется от них, словно картина, написанная размашистой кистью на пылающем фоне багрового заката.

Глава 18. Остров забытых обещаний

Паром отошёл от первого острова в Мраморном море, высадив нескольких пассажиров. В воздухе стоял запах рыбы, смешанный с солёным дыханием прибрежной воды, оставляющим после себя терпкое послевкусие. На берегу уже загорались огни, подсвечивая деревянные фасады домов — словно кто-то бережно прорисовывал их тонкой кистью в сгущающихся сумерках. В маленькой бухте покачивались лодки, а по обе стороны от причала пляжная коса хранила опустевшие лежаки и скрученные зонты.

Через двадцать минут судно причалило к пристани на Бююкаде, глухо ударившись боком о потемневшие от времени колёса на пирсе. Кто-то неспешно брёл по настилу, вглядываясь в чёрную воду и далёкие силуэты, кто-то спешил, наступая на пятки впереди идущим, будто боялся опоздать к собственной судьбе.

— Давай возьмём повозку и поедём на холм Айя-Йорги, — предложил Кемаль.

Пройдя чуть дальше от причала, они вышли на небольшую площадь, в центре которой стояли часы, словно безмолвный сторож времени. На улице было шумно, и цокот лошадиных копыт переплетался с сухим стуком колёс фаэтона по камню.

— Бедные лошади! — вырвалось у Анны. — Давай лучше пойдём пешком.

Кемаль посмотрел на её изящные босоножки и крутой склон холма, но спорить не стал. Они двинулись вверх, минуя старинные особняки и тёмные полосы живописных лесов. Дорога вела их прочь от причала, погружая в зелёный коридор, где воздух был пропитан ароматом хвои и смолы. С каждым шагом подъём становился ещё круче, превращаясь в узкую каменную тропу, уходящую в небо.

Вдоль дороги расположились продавцы амулетов и всякой всячины, разложив свои сокровища на пёстрых покрывалах; они были готовы отдать всё за полцены к концу вечера, лишь бы не уносить обратно. Пройдя ещё пару сотен метров, путники увидели вдали купол Айя-Йорги Килисеси. Поднявшись наверх, Анна опустилась на первую попавшуюся скамейку и сняла босоножки, позволив ногам наконец отдохнуть.

— Любимая, осталось ещё немного, и будем пить чай, — почти умоляюще сказал Кемаль, уставший и слегка взмокший от крутого подъёма.

Анна нехотя обулась и молча направилась к маленькому кафе на холме. До закрытия оставалось ещё несколько часов, и можно было сидеть, любуясь Мраморным морем с самой высокой точки Юджетепе.

Время летело со скоростью света. Так, по крайней мере, казалось Кемалю и Анне. С момента их знакомства прошло меньше четырёх месяцев, а их сердца уже были переплетены так крепко, словно знали друг друга целую жизнь. Даже ревность Кемалья к воображаемым ухажёрам Анны со временем растворилась, уступив место пониманию и принятию. Анна была свободной женщиной. И только одно его решение могло навсегда изменить её статус.

Кемаль был по-настоящему влюблён. Его больше не пугали последствия развода. Его интересовало лишь одно — жизнь с Анной. И сейчас, сидя на холме, он рисовал в голове картины, как они идут по узкой тропинке, держась за руки, а между ними — маленький человечек, ещё неуверенно переставляющий ножки. Впервые за долгие годы в нём родилось желание стать отцом. Ребёнок от Анны казался ему не просто будущим, а настоящим символом их любви. Живым доказательством того, что между ними не просто страсть, а нечто большее.

— Кемаль! Ты как будто не здесь, — сказала она, положив свои кудри ему на плечо.

Он улыбнулся и нежно поцеловал её в шею.

— Я здесь, любимая. Просто задумался. Этот остров... он навеял мысли о нас.

— Расскажешь? — спросила она, опустив взгляд на свои туфли.

— Как-нибудь обязательно расскажу, — мягко сказал он.

Заплатив за чай, они поднялись и пошли по узкой дороге, ведущей вниз. Анна осторожно спускалась по склону, крепко держа Кемалья за руку. Через несколько десятков метров показался фаязтон.

— Поехали скорее вниз, к причалу... — торопливо сказала Анна. — У меня больше нет сил лазить по этим горам.

На острове стремительно сгущались сумерки. Кемаль наклонился и слегка коснулся губами её шеи. Тёмные силуэты деревьев всплывали один за другим, а их макушки ещё хранили оранжевые отблески уходящего солнца. Он молчал, сжимая её руку в своей. Его накрыла волна воспоминаний, и он невольно усилил хватку. Наклонившись, он слегка коснулся губами её шеи.

— Кемаль! Не надо! Здесь же извозчик, — прошептала она, бросив быстрый взгляд на мужчину у вожжей.

Но он будто не слышал. Его поцелуи были тихими, настойчивыми, словно он боялся упустить это мгновение. Извозчик украдкой наблюдал за ними с едва заметной улыбкой, не подавая виду. Повозка спустилась к набережной, и, обернувшись, он сказал:

— Приехали, шеф.

Анна тут же отпрянула от Кемалья, поправляя волосы и стараясь придать себе как можно более невозмутимый вид. Карета тихо укатила, постукивая копытами, оставив их стоять рядом, в тёплом вечернем воздухе, наполненном запахом моря и свободы.

— Давай останемся здесь! Посмотри на небо, кажется, будет гроза. Может, корабли и вовсе не ходят, — сказал он с уверенностью в голосе, хотя прекрасно знал, что паромы курсируют до глубокой ночи.

— А где мы будем ночевать? — спросила она, взяв Кемалья за руку.

— Я знаю одно чудесное место, — ответил он, поднимаясь по дороге, ведущей к большому особняку.

Они едва успели взбежать по широким ступеням парадного входа, как небо над островом разверзлось: ливень обрушился с такой силой, будто кто-то открыл гигантский небесный шланг. Резкий ветер гнул деревья, взметая уличную пыль, которая закручивалась в неистовые вихри, прежде чем её прибило к земле первыми тяжёлыми каплями.

Отель Splendid Palace обволакивал величественным спокойствием. В элегантном холле замер рояль, застывший в ожидании того, кто решится прикоснуться к его клавишам. Массивная мраморная лестница уходила ввысь; её имперский размах мог легко соперничать с интерьерами османских дворцов. Интерьер сочетал в себе французское изящество с едва уловимыми восточными акцентами. Стекланный купол вестибюля, возвышавшийся строгим геометрическим конусом, заливал пространство светом, а изящные столики и стулья в фойе воскрешали атмосферу старинного европейского курорта. Анна невольно замерла, зачарованно оглядываясь по сторонам.

— Здесь... как в другом мире, — прошептала она.

Кемаль улыбнулся. Ему казалось, что именно в таком месте их ночь должна была начаться: под грохот грозы, вдали от города и от всего, что тянуло их назад. Анна первая вошла в номер и, не снимая обуви, упала на кровать.

Она чувствовала невероятную, свинцовую усталость. Ей хотелось просто забыться, раствориться в тишине и не думать вообще ни о чём. Пролежав без движения около пятнадцати минут, она всё же заставила себя подняться и, сбросив одежду, вошла в ванную.

Вода зашуршала по плитке. Анна открыла баночку с шампунем и, намочив волосы, вылила содержимое себе на ладонь, медленно массируя кожу головы. Стеклообразные стенки душевой кабины мгновенно запотели, скрыв очертания комнаты за белёсой пеленой. Она стояла под струями воды, смывая остатки пены, как вдруг почувствовала резкое дуновение прохлады от открывшейся дверцы. Вздвогнув от неожиданности, Анна едва не вскрикнула, но в ту же секунду знакомые и сильные руки нежно обняли её за талию. Это был Кемаль.

— Ты сильно напугал меня! — испуганно сказала она.

— Тише, — прошептал Кемаль, прерывая любой протест нежным поцелуем.

Его руки настойчиво блуждали по её мокрому телу, с каждым мгновением притягивая её к себе всё сильнее. Её грудь тяжело вздымалась, а учащённое дыхание билось в едином такте с пульсом. Капли пота на лбу Кемалья смешивались с влагой, стекающей с волос, и медленно катились вниз. От его резких и интенсивных движений внутри стало душно, но Анна, поддавшись желанию, не замечала горячего пара, окутывающего их, словно густой дым.

Снаружи тёмное небо билось в ослепительном светопреображении, раз за разом озаряя чёрные тучи яростными всполохами молний. Резкие порывы ветра срывали на острове небрежное бельё, унося его вместе с прищепками в ночную тьму, а маленькие рыбацкие лодки у берега отчаянно металась из стороны в сторону, едва удерживаясь на канатах, чтобы не сорваться в разбушевавшееся море. Стихия за окном словно требовала своей жертвы, вторя безумству, царившему в номере.

Распахнув дверь кабины, Кемаль жадно вдохнул прохладный и влажный воздух комнаты. Анна осталась стоять, уткнувшись лбом в стену, позволяя прохладным струям остудить разгорячённое тело. Замотав влажные волосы и набросив белый отельный халат, она стремительно вышла из ванной, оставляя за собой облако тяжёлого пара.

— Как же хочется есть! — произнесла она, прижав ладонь к животу.

— Я заказал ужин, скорее всего, его уже привезли, пока мы были в душе, — с улыбкой отозвался Кемаль. — Сейчас позвоню на ресепшен и потороплю их.

Словно в ответ на его слова, раздался стук в дверь. Анна, затянув пояс махрового халата, вышла на балкон, подставляя лицо ночному воздуху. Из комнаты доносились приглушённые голоса Кемалья и официанта, а следом — грохот тележки. Вскоре по номеру разлились аппетитные ароматы жареной рыбы и пряных специй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.